

ИЮНЬ 5 1939 г. ПОНЕДЕЛЬНИК № 31 (810) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР

Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА на Третьей Сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 года

Товарищи депутаты! Предложение депутатов заслушать на сессии Верховного Совета сообщение Наркоминдела вполне понятно. За последнее время в международной обстановке произошли серьезные изменения. Эти изменения, с точки зрения миролюбивых держав, значительно ухудшили международное положение.

Мы имеем теперь дело с известными результатами политики агрессивных государств, — с одной стороны, и политики неумеренности со стороны демократических стран, — с другой стороны. Представители агрессивных стран не прочь сейчас похвастаться достигнутыми уже результатами политики агрессии. Чего-чего, а в хвостовые недостатки здесь не накладывается. (Веселое оживление в зале).

Позиция Советского Союза в оценке текущих событий международной жизни отличается от позиции той и другой стороны. Она, как каждому понятно, ни в каком случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительного ухудшения международного положения. Для нас ясно, что попытка скрыть от общественного мнения действительные изменения, происшедшие в международном положении, необходимо противопоставить факты. Тогда станет очевидным, что «успокоительные» речи и статьи нужны только тем, кто не хочет мешать дальнейшему развитию агрессии, в надежде направить агрессию, так сказать, по более или менее «приемлемому» направлению.

Еще недавно авторитетные представители Англии и Франции старались успокоить общественное мнение своих стран, просясь успехи аполитичного мюнхенского соглашения. Они говорили, что сент-тарский договор в Мюнхене предотвратил европейскую войну, путем сравнительно не таких уж больших уступок со стороны Чехо-Словакии. Многим и тогда казалось, что представители Англии и Франции пошли в Мюнхене в своих уступках за счет Чехо-Словакии дальше, чем они на это имели право. Мюнхенское соглашение было, так сказать, кульминационным пунктом политики неумеренности, кульминационным пунктом соглашения, кульминационным пунктом соглашения с агрессивными странами. А к какому результату эта политика привела? Остановило ли агрессивно мюнхенское соглашение? Нисколько. Напротив, Германия не ограничилась полученными в Мюнхене уступками, то-есть, получением Судетских районов, населенных немцами. Германия пошла дальше, просто-напросто ликвидировав одно из больших славянских государств — Чехо-Словакию. От сентября 1938 года, когда состоялось мюнхенское совещание, прошло немного времени, а в марте 1939 года Германия уже покончила с существованием Чехо-Словакии. Германия удалось это провести без противодействия с чьей-либо стороны, так, главно, что возникает вопрос, в чем, собственно, заключалась действительная цель совещания в Мюнхене?

Во всяком случае, ликвидация Чехо-Словакии, вопреки мюнхенскому соглашению, показала всему миру, к чему привела политика неумеренности, достигшая в Мюнхене, можно сказать, высшей своей точки. Провал этой политики стал очевидным. Между тем страны-агрессоры продолжали придерживаться своей политики. Германия отняла у Литовской республики Мемель и Мемельскую область. Как известно, Италия также не осталась в долгу. В апреле месяце Италия покончила с независимым государством — Абиссинией.

После этого нет ничего удивительного в том, что в конце апреля одной своей речью глава германского государства уничтожил два важных международных договора: морское соглашение Германии с Англией и пакт о ненападении между Германией и Польшей. В свое время эти договоры придавали большое международное значение. Однако, Германия очень просто разделалась с этими договорами, не считаясь ни с какими формальностями. Таков был ответ Германии на проникнутое духом миролюбия предложение президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта.

Дело не ограничилось расторгновением двух международных договоров. Германия и Италия пошли дальше. На днях опубликован заключенный между ними военно-политический договор. Этот договор имеет в своей основе наступательный характер. Согласно этому договору Германия и Италия должны поддерживать друг друга в любых военных действиях, предпринимаемых одной из этих стран, включая любую агрессию, любую наступательную войну. Еще совсем недавно сближение между Германией и Италией прикрывалось, якобы, необходимостью совместной борьбы с коммунизмом. Для этого немало поумели о так называемом «антикоммунистическом пакте».

Антикоммунистическая шумиха сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания. Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму. В военно-политическом договоре между Германией и Италией уже нет ни звука о борьбе с Коминтерном. Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран.

Кажется ясно, что приведенные факты свидетельствуют о наличии серьезного ухудшения в международной обстановке.

В связи с этим в самой политике неагрессивных стран Европы также наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Насколько серьезны эти изменения — мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, пимется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики неумеренности, от политики непротивления дальнейшему разрыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах, не будет служить препятствием к разрыванию агрессии в других районах? Такие вопросы ставятся и в некоторых органах буржуазной печати за границей. Поэтому мы должны быть бдительными. Мы стоим за дело мира и за недопущение дальнейшего разрывания агрессии. Но мы должны помнить выдвинутое тов. Сталиным положение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привлекшим агрессию жар чужими руками». Только в этом случае мы сумеем до конца отстаивать интересы нашей страны и интересы всеобщего мира.

Есть, однако, ряд признаков того, что в демократических странах Европы все больше приходит к сознанию провала политики неумеренности, приходят к сознанию необходимости более серьезных по-ясков мер и путей для создания единого фронта миролюбивых держав против агрессии. В такой стране, как Англия, стали громко раздаваться речи о необходимости крутого изменения внешней политики. Мы, конечно, понимаем разницу между словесными заявлениями и действительной политикой. Но все же нельзя не отметить, что эти речи не случайны. Вот некоторые факты. Между Англией и Польшей не существовало пакта о взаимопомощи. Теперь решение об этом пакте принято. Значение этого соглашения лишь усиливается тем, что Германия разорвала пакт о ненападении с Польшей. Нельзя не признать, что пакт взаимопомощи между Англией и Польшей вносит изменение в европейскую обстановку. Или, дальше. Между Англией и Турцией не было пакта о взаимопомощи, в последнее же время известно соглашение о взаимопомощи между Англией и Турцией уже состоялось. И этот факт вносит свое изменение в международную обстановку.

В связи с этими новыми фактами одной из характерных черт последнего периода следует признать стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии. Понятно, что это стремление заслуживает внимания. Исходя из этого, Советское Правительство приняло предложение Англии и Франции о переговорах, имеющих целью укрепить политические отношения между СССР, Англией и Францией и наладить фронт мира против дальнейшего развития агрессии.

Как мы определяем наши задачи в современной международной обстановке? Мы считаем, что они идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии, и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав.

В связи со сделанными нам предложениями английского и французского правительств Советское Правительство вступило в переговоры с последними насчет необходимых мер борьбы с агрессией. Это было еще в середине апреля текущего года. Начавшиеся тогда переговоры еще не закончены. Однако уже тогда можно было видеть, что если в самом деле хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимо, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительный оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств центральной и восточной Европы, включая в их число все без исключения государства с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково наше мнение, которое мы пи-ктому не навязываем, но за которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств.

Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военно-го и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия.

Понятно, что основой такого соглашения является принцип взаимности и равных обязанностей. Следует отметить, что в некоторых англо-французских предложениях этот элементарный принцип не нашел благо-склонного к себе отношения. Гарантируя себя от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы оставляли открытым вопрос — может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они принять участие в гарантировании границах с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров.

Получая, таким образом, перванное положение для СССР. В последние дни поступили новые англо-французские предложения. В этих предложениях уже признается на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности. Это, конечно, шаг вперед. Хотя нужно заметить, что он обставлен такими оговорками — вплоть до оговорок насчет некоторых пунктов устава Лиги наций, — что он может оказаться фиктивным шагом вперед. Что касается вопроса о гарантии стран центральной и восточной Европы, то здесь упомянутые предложения не делают никакого прогресса, если смотреть на дело с точки зрения взаимности. Они предусматривают помощь СССР в отношении тех пяти стран, которым англичане и французы уже дали обещание о гарантии, но они ничего не говорят о своей помощи тем трем странам на северо-западной границе СССР, которые могут оказаться в случае нападения агрессоров.

Но Советский Союз не может брать на себя обязательства в отношении указанных пяти стран, не получив гарантии в отношении трех стран, расположенных на его северо-западной границе. Так обстоит дело относительно переговоров с Англией и Францией. Веля переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года, по инициативе германского правительства, начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос был снят. В конце 1938 года германское правительство вновь поставило вопрос об экономических пере-

говорах и о предоставлении кредита в 200 миллионов марок. При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок. В начале 1939 года Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г. Шнуре. Но затем, вместо г. Шнуре, эти переговоры были поручены германскому послу в Москве В. Шуленбургу, которые были прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам не исключено, что переговоры могут возобновиться.

Могут еще добавить, что с Италией недавно было подписано выгодное для обеих стран торговое соглашение на 1939 год. Как известно, в феврале месяце текущего года было опубликовано специальное сообщение, подтверждающее развитие добрососедских отношений между СССР и Польшей. В наших взаимоотношениях с Польшей следует констатировать известное общее улучшение. С другой стороны, заключенное в марте месяце торговое соглашение может значительно поднять товарооборот между СССР и Польшей.

Наши отношения с дружественной Турцией развиваются нормально. Недавняя поездка тов. Потемкина в Анкару с информационными целями имела большое положительное значение.

Из вопросов международной жизни, которые приобрели в последнее время большое значение для СССР, следует остановиться на проблеме Аландских островов. Вы знаете, что эти острова в течение более, чем 100 лет принадлежали России. В результате Октябрьской революции Финляндия получила независимость. По договору с нашей страной Финляндия получила также и Аландские острова. В 1921 году 10-ю странами: Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей, Швецией, Данией, Германией, Англией, Францией и Италией была подписана Конвенция, запрещающая, как это было и раньше, вооружение Аландских островов. Правительство капиталистических стран сделало это без участия советских представителей. В 1921 году подорванная войной и иностранной интервенцией Советская Республика могла только протестовать против этого беззаконного акта в отношении СССР. Но и тогда с нашей стороны было ясно и неоднократно заявлено, что Советский Союз не может оставаться в стороне от этого вопроса, что изменение юридического статуса Аландских островов невозможно в нарушение интересов нашей страны.

Важность Аландских островов заключается в их стратегическом положении в Балтийском море. Вооружения Аландских островов могут быть использованы во враждебных СССР целях. Находясь недалеко от входа в Финский залив, вооруженные Аландские острова могут послужить к тому, чтобы закрыть для СССР воды и выходы в Финский залив. Поэтому теперь, когда финляндское правительство, вместе со Швецией, хочет провести большую план вооружения Аландских островов, Советское Правительство запросило у финляндского правительства данные о целях и характере намеченных вооружений. Вместо того, чтобы пойти навстречу этому вполне естественному желанию Советского Союза, финляндское правительство от-

казало СССР в даче соответствующих сведений и разъяснений. Последовавшие при этом ссылки на военную тайну, как нетрудно понять, совершенно неубедительны. Сообщило же финляндское правительство свой план вооружения Аландских островов другому правительству — правительству Швеции. И не только сообщило, а пришло к нему к участию в осуществлении всего плана вооружения. Между тем, согласно Конвенции 1921 года, Швеция никакими особыми правами в этом отношении не пользуется. С другой стороны, заинтересованность Советского Союза в вопросе вооружения Аландских островов не только не меньшая, а большая, чем у Швеции.

По предложению финляндского и шведского правительств, вопрос о пересмотре Конвенции 1921 года обсуждался на только что закончившемся Совете Лиги наций, без санкции которого эта Конвенция не может быть пересмотрена, так как Конвенция десяти государств была заключена на основе соответствующего решения Совета Лиги наций от 24-го июня 1921 года. Ввиду возражений со стороны представителя Советского Союза, в Совете Лиги не могло быть единогласия, необходимого для решения Совета. Результаты обсуждения в Совете Лиги известны. Совет Лиги наций не одобрил предложения Финляндии и Швеции. Он не дал санкции на пересмотр Конвенции 1921 года. Должно быть, финляндское правительство сделает соответствующий вывод из этого положения. В свете международных событий последнего времени аландский вопрос приобрел для Советского Союза особенно серьезное значение. Мы не считаем возможным мириться с допущением какого-либо игнорирования интересов СССР в данном вопросе, имеющем большое значение для обороны нашей страны.

Со всем кратко остановился на вопросах Дальнего Востока и на наших отношениях с Японией.

Наибольшее значение в этом году здесь имели наши переговоры с Японией по рыболовному вопросу. Как известно, в Приморье, в Охотском море, на Сахалине и на Камчатке японцы имеют у нас большое количество рыболовных промыслов. К концу прошлого года у них оказалось уже 384 рыболовных участка. Между тем, срок конвенции, на основе которой японцы получали эти рыболовные участки, уже истек. Для многих рыболовных участков истекли и установленные ранее сроки аренды. В связи с этим, Советское Правительство вступило в переговоры с Японией по рыболовному вопросу. С нашей стороны было заявлено, что известное количество участков, установленный срок аренды которых истек, не могут быть предоставлены дальше в распоряжение японцев, ввиду имеющихся у нас стратегических соображений. Несмотря на очевидную обоснованность нашей позиции, с японской стороны было проявлено большое сопротивление советской точке зрения. В результате длительных переговоров, 37 рыболовных участков были изыты у японцев, а в других местах им было передано 10 новых участков. После этого действие конвенции было продлено еще на один год. Это соглашение с Японией по рыболовному вопросу имеет большое политическое значение. Тем более, что со стороны японских реакционных кругов все было сделано для того, чтобы подкрепить политическую сторону этого дела, вплоть до всякого рода угроз. Японские реакционеры

еще раз могли, однако, убедиться в том, что угрозы в отношении Советского Союза не достигают цели (бурные аплодисменты), а права Советского государства находятся под твердой защитой. (Бурные аплодисменты).

Теперь, о пограничных вопросах. Кажется, уже пора понять, кому следует, что Советское Правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японско-манчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас надо об этом напомнить и в отношении грании Монгольской Народной Республики. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи, мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам. Как договор взаимопомощи, который подписан Советским Правительством. Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать также решительно, как и свою собственную границу (бурные аплодисменты). Пора понять, что обвинения в адресе против Японии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел. (Аплодисменты). Поэтому лучше вовремя бросить повторяющиеся все снова и снова провокаторские нарушения границы СССР и МНР японско-манчжурскими воинскими частями. Соответствующее предупреждение нами сделано и через японского посла в Москве.

Мы не можем не говорить о нашем отношении к Китаю. Вы хорошо знаете заявление товарища Сталина о поддержке народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины. Это в полной мере относится к Китаю и его борьбе за национальную независимость. Мы последовательно проводим эту политику на деле. Она находится в соответствии с теми задачами, которые стоят перед нами в Европе, а именно — с задачами создания единого фронта миролюбивых держав против дальнейшего разрывания агрессии. (Бурные аплодисменты).

СССР теперь не тот, чем он был, скажем, в 1921 году, когда он только что приступил к своей мирной, творческой работе. Приходится об этом напомнить, так как до сих пор даже некоторые наши соотечественники, видимо, этого не знают. (Смех). Нельзя не признать и того, что СССР уже не тот, каким он был всего 5—10 лет тому назад, что силы СССР окрепли. (Аплодисменты). Внешняя политика Советского Союза должна отражать наличие изменений в международной обстановке и возросшую роль СССР, как мощного фактора мира. Нечего доказывать, что внешняя политика Советского Союза в корне миролюбива и направлена против агрессии. Лучше всего это известно самим агрессивным странам. (Движение в зале). С большим запозданием и с колебаниями приходят к сознанию этой простой истины некоторые демократические державы. (Оживление в зале). Между тем, в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах (бурные, продолжительные аплодисменты всего зала. Депутаты встали и устраивают овацию товарищу Молотову).

В ЦК ВКП(б).

Сформирование Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) утвердил:

а) Членами Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) т.т. Абрамову А. Г., Алексину И. Я., Алферову П. П., Андрееву А. А., Афанасьеву П. М., Гришину И. Т., Елисееву П. П., Егорову Г. П., Ершова В. А., Захарова М. Г., Землянского М. П., Зубыкина Л. М., Иванова Г. И., Жданова А. К., Крюкова В. П., Леонова А. П., Миронова В. Н., Орлова А. Л., Павлова В. П., Перова Г. В., Петрова В. П., Потапова С. В., Пуговкина Г. Н., Строкотенко В. П., Трофимова А. С., Федоренко А. И., Филимонова В. Л., Фошца М. М., Фурсова И. С., Шылакова К. И., Шкирятова М. Ф.;

б) Бюро Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) в составе т.т. Андреева А. А. — председатель ЦКК, Шкирятова М. Ф. — зам. председателя ЦКК, Перова Г. В. — зам. председателя в ответств. секретарь Бюро ЦКК, Иванова Г. П. — зам. председателя ЦКК, Гришина И. Т. — зам. председателя ЦКК;

в) Партколлегия Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) в составе т.т. Андреева А. А. — председатель Партколлегии, Шкирятова М. Ф. — зам. председателя Партколлегии, Перова Г. В. — зам. председателя Партколлегии, Леонова А. П. — ответств. секретарь Партколлегии, Абрамовой А. Г. — член Партколлегии.

Сорок первый роман Г. Дж. Уэллса

— Пьеса плохая, очень плохая. — мейнхольдский заметил театральные рецензенты лондонского журнала «Ланг энд Лейтер», — но я чувствую, что должен хвалить ее, ибо я вижу в ней попытку сказать что-то значительное; а в наше время этого уже достаточно!

Можно по-разному относиться к знаменитому английскому писателю Г. Дж. Уэллсу: он может раздражать своим всегда поучительным тоном, он может надоесть длинными своими рассуждениями. Но нельзя отрицать, что всегда он стремился сказать что-то значительное в каждом из сорока романов, написанных им за сорок лет жизни. И в особенности это относится к его сорок первому роману — «По поводу Долореса».

Именно — по поводу Долореса никак не героиня этого романа. Неслыханно также сказать, что роман написан о ее муже, Стефене Уилкобе, — и его не называет героем произведения. Но в этом произведении вообще нет героя, роман, пожалуй, вообще ни о ком, хотя есть в нем и люди, и события, и сюжет, и даже драматическое происшествие: Стефен Уилкоб отравляет — не то случайно, не то полусознательно — жену свою Долореса. Однако данный факт никак не важен ни для читателя ни для романиста. Роман этот написан весьма откровенно — «по поводу», вот в чем дело!

По поводу чего?

По поводу всего на свете — может о полном правом ответить Уэллс. И действительно, в романе уделяется много внимания проблемам истории цивилизации. А также теме психоанализа. И социологическим рассуждениям. И биологическим проблемам. И истории религии. И расистским теориям. И критике (михолод, смеху) марксизма. И описанию, кстати, очень выразительному, архитектуры и пейзажа маленьких французских городков. И анализу мейнхольдской психологии, анализу, насыщенному великодушием, умной иронией. И теме «философия счастья». Да и многую другую — всего не перечислить.

И нельзя не вспомнить об одном произведении, также английского писателя, также связанном с Францией. Не случайно вспоминаю о нем в коротком предисловии к роману и сам Уэллс, проназав имя Л. Стерна. Но не «сентиментальное путешествие» написал Уэллс; скорее — «умозрительное путешествие».

Стефен Уилкоб обобщает. Это основная его функция в романе. Какое читателю дело до взаимоотношений между Стефеном Уилкобом, мясным, приличным, умным, педантичным, по профессии пиджачником, любящим хорошие книги, человеком, который проповедует человечество, — и женой его Долорес — существом истерическим, эгоцентрическим, вздорно-агрессивным, лишенным элементарного чувства уважения к ближнему, непригодным для совместной жизни, да и вообще опасным для общественного спокойствия? Стефену Уилкобу не повезло в браке — и это как будто все! Но Уилкоб, а с ним и Уэллс, или, вернее, Уэллс, а за ним и послушный Уилкоб, от лица которого ведется повествование, — обобщает. Уэллс может по праву гордиться своим исключительным даром обобщения, воздвигающим на башню повествования о данном случае, о частном эпизоде семейной жизни импонирующий комплекс идей, неопределенных и волнующих. Мне важно рассказать, что думаю я, — словно говорит Уэллс, вы же хотите знать, что случается с людьми, прекрасно, я могу рассказать и об этом, ибо я мастер повествования, и совершенствуюсь владеть искусством сюжетостроения и приемом реалистической характеристики персонажей. И однако, нравятся вам это или нет, но основной герой моих романов — мысль, человеческая мысль, и не скрою — моя собственная мысль, стремящаяся в последнем счете к созданию системы, к обобщению.

Итак, что обобщает мистер Уилкоб? Маленький свой опыт семейной жизни. Психологический облик жены своей Долорес. Свой собственный психологический облик.

И с великодушной неожиданностью возникает перед удивленным и потрясенным читателем, если он только дочитал роман Уэллса до конца, замисел романиста... Уж очень, главным и непроницаемым читателем нужно быть, чтобы замисел этот не увидеть.

История семейного конфликта? Да, но только формально. А по существу, обобщенно романчик рассказывает о любовном конфликте в истории человеческой культуры, истории в разных формах и вариантах все тот же основной конфликт между двумя типами типичной психики. Тип «Долорес» и тип «Уилкоб». Первый — сообщает Уэллс — это контраст всего отрицательного и дурного в истории

человеческого общества, второй — символ раскрепощения, прогресса. Тип «Долорес» становится иногда главенствующим в каком-либо народе, и тогда — «Народ Долорес это упрямый, считающий себя обманенным, народ с превеликим представлением о своем прошлом, с непомерными претензиями. Патриотизм этого народа превращается в священный национальный эгоизм... он никак не может прийти к соглашению с остальным человечеством. Он хочет остаться таким, как он есть. Он считает себя вправе захватить любую преимущество, так как за это дают по рукам, он и получает по рукам. Его мстительность безгранична. Он никогда не забывает обид. Он жует обиды... Народы типа Долорес, рассуждают далее Уилкоб, ответственны за все несчастья человечества. «Старый мир был их миром, они его создали, они к нему подходили и они неустанно борются против прихода нового мира». Долорес «стремится к экспансии и становится воплощением всего того, что стоит на пути мировой гармонии и всеобщей системы взаимного сотрудничества. Вот я вижу ее на протяжении всей истории, нетерпимую, не желающую приспособиться, ищущую врагов, осуществляющую свое коварство, не могущую забыть о своем старом мире, неспособную понять новый...»

Так рассуждает Уилкоб в своем дневнике о своей жене Долорес. И рассуждает, нужно добавить, с полного ведома и сочувствия Уэллса.

Следует ли таким образом понимать, что в образе Долорес Уэллс хотел показать, — скажем, «типичную» представительницу, а в образе Стефена Уилкоба симпатичную, прогрессивную Англию? Следует ли в символически повторяющихся неоднократно заявлениях Уилкоба, что жизнь о Долорес немислива, что больше так продолжаться не может, и, наконец, в факте поубоноулетного убийства Долорес, — следует ли во всем этом видеть призыв Уэллса оказать, наконец, отпор агрессору? За такую упрощенную расписку его творческих замыслов писатель вряд ли был бы благодарен. И, очевидно, для предупреждения такой попытки он счел нужным прибегнуть к системе страховочных оговорок.

Во-первых, оговаривается сам Уэллс, заявляя в своем коротком предисловии, что он ни в коей мере не хочет отождествлять мистера Уилкоба с мистером Уэллсом, и ни в какой степени не ответствен за мнения и высказывания Уилкоба. И мало того. Оговаривается, впрочем, довольно неуклюже, и сам Уилкоб. Оказываясь, все цитированные его рассуждения были им занесены в дневник в состоянии полубреда и полудурости. А сам Уилкоб тут же заявляет, что как бы странно ни звучала его социологическая концепция на счет типа «Долорес», — так ли уж она мелепа? Разве не читали мы, — говорит Уилкоб, — концепции Шпенглера, разве не знакомы мы с расистскими теориями? Разве она более претенциозна, чем социальная философия влюбленного в насилие Порето, мастера извращения истории? (Порето — официальный «теоретик» итальянского фашизма).

Таким образом, намекает Уэллс, можно считать мой роман в той его части, где излагается социально-исторические и философские воззрения Уилкоба, своеобразной пародией с обратным знаком на многочисленные попытки фашизма создать стройную мировоззренческую систему. Но можно в конце концов просто считать этот роман как повествование о семейном конфликте отравительной Долорес и симпатичного Уилкоба.

Конечно, можно, но что-то не хочется просто так его прочесть. И без риска ошибиться можно предположить, что этого не хотелось бы и Уэллсу. Не для того пишет семидесятичетырехлетний писатель свой сорок первый роман, чтобы он был воспринят как некий случайный эпизод о неких случайных людях случайной судьбы.

Пусть они остаются в силе, все оговорки и Уэллса и Уилкоба. Пусть Уэллс не отвечает на некоторые парадоксы, а подчас и благословит Уилкоба, возмущающие иногда просто в порядке логической характеристики персонажа и суждения развития образа. Пусть, наконец, и сам Уилкоб объясняет попутным состоянием свои обобщения. Все это входит в ткань романа, все это необходимо.

Но за этим, хотя и необходимым, но не главным, нельзя не увидеть главного и основного.

Нельзя не увидеть резкого проявления характерной творческой судьбы Уэллса, развивающейся с неуклонной последовательностью от его первого романа и до сорок первого.

Я не могу назвать судьбу эту драматической. Изучая литературную родословную Уэллса, мы не можем не вспомнить Флоренца, Мопассана и особенно соответствующего ему — Самюэля Батлера, как его учителя в плане аналитического реализма; но трагическому ощущению мейнхольдской действительности и своего места в ней — этому Уэллс у них не научился, да и не хотел учиться. Ведь Уэллс раньше всего человек «важного смысла», который для этих пенников буржуазной цивилизации был всегда самой отвратительной камерой их темницы.

И героическая неслыша называть писателя судьбу Уэллса. Он никак не похож на современника своего — она начала приближаться к одно время, и пути их не раз встречались; но как далекий Уэллс от Романа Роллана, борца, который умел и умеет сражаться и в одиночку, и в рядах, и ошибаться, и исправлять ошибки, и беспрестанно искать, и всегда оставаться все тем же воином в борьбе за освобождение человечества.

Не будучи ни драматичной, ни героической, писательская судьба Уэллса поучительна. Больше всего тем, что он всегда поучал.

Он поучал: и в сильнейшей части своего литературного наследия — в этих своих чудесных фантастических романах, где его творчество достигло наибольшей силы и убедительности; и в серии своих социально-педагогических в точном смысле романов, где он и не скрывает своей тенденции научить весь окружающий мир уму-разуму и здравому смыслу и где все же торжествует над поучениями его талант «высокопарно-аналитика», и наконец в социально-публицистических и популяризаторских своих работах, где художник умирает и предстает высокомерным и в то же время ограниченным буржуа-пролетарием... — Я человек с хорошо организованным мозгом, — сказал как-то по себе Уэллс. И это не только правда, но в известной мере и обидная правда. Да, хорошо организованный мозг; больше того — замечательный, исключительный организованный мозг; умнейший человек своей среды.

Но среда эта отнюдь не организованная — она распяная, атомизированная среда одиночек-интеллигентов конца XIX века, где каждая особь, словно лейбнидовская монада, замкнута в себе.

Отсюда возникает это беспримерное высокомерие Уэллса; можно сказать, страстное высокомерие, и должно пребывать; тут, в высокомерии — единственная человеческая страсть, на какую способен Уэллс. И тут, конечно, кроется загадка органического и возникшего отдаления его от марксизма, о чем он, не в пример другим выдающимся представителям современной европейской интеллигенции, нарочито и подчеркнуто вымалывает: марксизм — учение и оружие масс, но никак не может войти составной частью в понятие «хорошо организованного мозга» одиночки, высокомерно настаивающего на своем праве поучать и оставаться одиночкой.

Не вызывает сомнения тот факт, что Уэллс настроен антифашистски. И нельзя усомниться в том, что он озабочен судьбой мира и понимает необходимость отпора фашизму. Об этом говорит такое его произведение, как «Игрок в крокет». Об этом свидетельствуют и его роман «По поводу Долореса». Нельзя отрицать: в какой-то мере это антифашистский роман.

Но до какой же степени остается этот роман неудовлетворенным своего читателя? И не только оттого возникает неудовлетворенность, что, забавляясь парадоксами Уилкоба, Уэллс очень ловко подсовывает читателю свои концепции о «биологическом фашизме», о равновесии данному типу человека-фашиста.

А оттого, что в отрицательном отношении писателя к фашистской идеологии и психологии — этого нельзя не заметить — гораздо больше барской, высокомерной брезгливости, чем живой и страстной человеческой, гуманистической и священной новизны. Оттого, что и здесь, и теперь, в момент, когда сама эпоха возникает и зовет в ряды — старый многопытный и многоумный английский писатель — он все тот же школьный учитель, поучающий их cathedra, а не аманесет в бож, как его собраты — Роллан и Чапек, Генрих Манн и Ральф Форкс, Фейхтвангер и Энтон Синклер и многие другие. Оттого, что и сейчас, когда и слепой видит, и глухой слышит, и немой вопиет, этот замечательный писатель с таким острым зрением, таким тонким слухом, таким даром убедительного красноречия — свой отклик на самую жгучую проблему судеб человеческого превращает в интеллектуальный пир, на котором единственно приглашенный — он, Герберт Джордж Уэллс, — семидесятичетырехлетний...

Шекспир в Англии

1939 года

Письмо из Лондона

Энтузиазм, с которым народы СССР отметили 375-летнюю годовщину рождения Вильяма Шекспира, и запоздалое празднование этой даты на его родине являются ослепительный контраст, с ясностью показывающий, как велика разница между отношением к искусству в стране, где правит буржуазия, и в стране социализма.

Не без удивления открыл английский читатель номер «Москью Ньюз» от 24 апреля, посвященный шекспировскому юбилею, и удивление его быстро сменилось благодарностью, когда он убедился в том, как артисты, режиссеры, критики и театральные деятели в Советском Союзе чтут Шекспира.

Не следует, конечно, думать, что в Англии совсем не знают безсмертного поэта. Нет. Но в капиталистическом мире почести, которые миллионы безвольно воздают Шекспиру, не находят официального выражения. Только в Стране социализма Шекспир обрел все свои права.

В программе английской средней школы предусмотрена постановка одной пьесы Шекспира в год. Зато театры делают мало или совсем ничего не делают для того, чтобы поставить Шекспира. В Лондоне только старейший театр шекспировской драмы — Олд Вик делает кое-какие попытки, достойные подержать живую славу Шекспира. Но и Олд Вик, претерпевший тысячи превращений судьбы, не вполне сохранил верность Шекспиру, так как в его репертуаре появились пьесы и других драматургов.

Последние шесть лет Шекспира с большим успехом играли в Открытом театре лондонского Редент-парка. В этом сезоне репертуар расширен, в него вошли «Кориолан» и «Перник». Но театр под открытым небом при лондонском климате вряд ли может многое сделать.

И вот, пожалуй, все, за исключением передач Британской радиокорпорации, где делают монтаж из избранных пьес Шекспира, без стеснения уродуя текст его бессмертных творений.

Директора лондонских театров, о которых Ст. Джон Ирвинг заметил, что «благ создат директоров Вест-Энда, когда был очень утомлен», боится Шекспира, как чумы.

В капиталистических условиях театр должен приносить прибыль. Без этого он обречен на смерть. Советский театр ничего не знает о владельце земельного участка, на котором построен театр, или о первом, втором, третьем и даже четвертом субарендаторе этого участка. Все эти люди должны извлекать прибыль из кирпичи и пемента театра, прежде чем пьеса начнет приносить доход вообще. Поэтому естественно, что если Шекспир и ставится, его пьесы должны выдержать конкуренцию с современной драмой, бесцельной, аморальной, некультурной, всегда пошлостью и низостью вкуса фашистской культуры, которая заполняет театры.

Так, «Гамлет» должен ставиться в современной одежде. «Шейлок» должен вызывать антисемитские чувства. Ставят

«Отелло» с Полем Робсоном в главной роли и возбуждают дискуссию о «цветныхх». Капитализм всегда превращает свой театр в предпринятие, и Шекспир не освобожден от этого.

День рождения Шекспира совпадает с днем святого Георгия. И 23 апреля каждого года посвящается не торжественным церемониям в честь авианосца барда, но всепародному поминанию мифического национального святого.

Стратфорд на Аване, где родился Шекспир, стоит в прекрасной местности в центральной Англии. Здесь в 1879 г. был впервые воздвигнут Шекспировский мемориальный театр. 16 марта 1926 г. этот театр сгорел до основания. Строительство второго Мемориального театра не велось до июля 1929 г.

«Без помощи американских жертвователей», — говорит Дэй и Тронн в своей книге «Шекспировский мемориальный театр», — вряд ли новый театр стоял бы сегодня на берегу Авана. В этом замечании много правды. Миллионы на вооружении. Миллионы на колониальную эксплуатацию. Миллионы заделанные земельной рентой. А для Вильяма Шекспира в Англии есть только благочестивые пожелания.

Шекспир всегда был доходной статьей для Стратфорда на Аване. В недавно опубликованной книге Айвора Броуна и Джорджа Фирона «Удивительный памятник» описана спекуляция стратфордскими реликвиями, и факты, приведенные в этой книге, неприятно звучат даже для беспристрастного наблюдателя капиталистической цивилизации.

Но в этом городе не только бедствует память Шекспира. Р. де Курси Лафлан, заведующий классической средней школой в Стратфорде на Аване, сделал многое для реабилитации города в глазах любителей Шекспира.

В 1896 г. Лафлан организовал шествие с пьесами и из этого шествия начинаются выросли стратфордские чествования Шекспира, совершаемые ежегодно 23 апреля. Теперь к шествию прибавились церемонии с флагами (когда представлял каждой страны развертывает свой национальный флаг) и торжественный спектакль в Мемориальном театре.

Интересно отметить, что флаг Советского Союза был впервые раздернут на церемонии 1926 г. нынешним полпредом И. Майским.

Этим и ограничивается чествование Шекспира в его стране. 23 апреля 1939 г. в один лондонский театр, за исключением Олд Вика, не давал шекспировского спектакля в ознаменование юбилея.

Не естественно ли, что английский читатель «Москью Ньюз» увидел проявление любви и почтения Шекспира в статьях Соломона Михоэса, Александра Олужева, Пенцили Манеуровой и Лилии Добжанской? Английские артисты ведь не пишут, подобно им, о Шекспире. Почему? Ответить на этот вопрос не трудно: они живут в различных мирах.

С'ЕЗД АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

3 июня в США открылся III с'езд американских писателей. На с'езде присутствуют несколько сот человек, в том числе известные американские писатели, поэты и драматурги. На открытии с'езда выступил бывший президент Чехо-Словацкой республики Эдуард Бенеш, Томас Манн, французский писатель Луи Арагон, английская писательница Сильвия Уорнер, известный негритянский писатель Лэнгстон Хьюз и другие.

С'ездом руководит председатель Лига американских писателей Дональд Стюарт. С'езд будет продолжаться 3 дня. На одном из заседаний с'езда будет обсужден вопрос о положении писателей эмигрантов. Лига американских писателей обрательна к с'езду с приветственным письмом.

«ИСПАНИЯ И МИР»

Под названием «Испания и мир» в Париже начал выходить новый еженедельник. Это орган агентства «Эспанья», немало послужившего делу Испанской республики во время гражданской войны. В передовой статье первого номера читаем: «Время скажет свое. Будущее Испании не написано, но история уже предоставляет ему свои белые страницы. И эти страницы будут заполнены двадцатью миллионами испанцев, которые не примут ни позора, ни рабства».

ФАШИСТСКИЕ ЦЕНИТЕЛИ ИСКУССТВА

Как сообщает парижская газета «Боз'Ар», в конце июня в Люцерне (Швейцария) состоялся распродажа картин и скульптур, вывезенных из музеев Мюнхена, Эссена, Кельна и Дюссельдорфа. В списке произведений, которые преданы значимым фашистам к продаже под предлогом «очистки музеев от дегенеративного искусства», значатся шедевры крупнейших мастеров современности, как Бусх, Деген, Матисс, Ван-Гог (авторпортрет), Герен, Либманн, Пикассо и др.

РАСПРАВА С ПУШКИНЫМ

Во Франции демонстрируется новый фильм «Всплеск» (реж. Барбера). Это обычный последовательный фильм, о котором не стоило бы и писать, если бы не то обстоятельство, что сценарий его следя по повести Пушкина. Однако сценарист решил оживить и «реконструировать» классическую русскую повесть. Он приближал время действия к нашим дням и перенес его в австрийский гарнизонный городок. Соответственно изменены имена действующих лиц. По отзыву рецензента «Юманите», из бессмертного произведения Пушкина выхолощена вся его красота и весь его смысл.

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ РАСИНА

21 декабря этого года исполнится 300 лет со дня рождения великого французского драматурга Жана Расина. В связи с этой датой во Франции предполагается провести юбилейные торжества. Еженедельник «Нувель Литерер» много места уделяет публикации ответов различных деятелей литературы и искусства на анкету: «Как лучше отпраздновать славу Расина?». «Комеди Франсез» подготовила расиновскую неделя, будут проводиться совместно с театром «Олеон». Поочередно, каждый вечер в одном из этих театров будут ставиться трагедии Расина. Писатель Жан Кокто готовит радиопередачу трагедии «Британик», в которой сам будет играть роль Нерона.

АНОНИМНАЯ ВЫСТАВКА

Одна из монументальных художественных галлерей в Париже организовала своеобразную выставку картин, под которыми не указаны фамилии их авторов. Каждый посетитель выставки получает бюллетень, куда записывает имя художника, званого им по картине. За лучший отзыв присуждается премия. По мнению «Юманите», такая выставка много способствует художественному воспитанию масс.

РОМАН ШОЛОХОВА В РУМЫНИИ

Румынский еженедельник «Адеверу Литерар» Артисту посвятил большую статью Михаилу Шолохову в связи с переводом его романа «Тихий Дон». «Тихий Дон» — пишет «Адеверу Литерар», произведение еще не законченное, но уже первые его три тома служат красноречивым доказательством энического мастерства крупного писателя. Мало известный в Румынии, Михаил Шолохов является одним из виднейших писателей современной Европы.

«ГЕРНИКА» ПИКАССО

Одно из крупнейших произведений современной западной живописи «Герника» Пабло Пикассо прибыла на «Нормандия» в США, где будет выставлена для общественного обозрения. Весь сбор от выставки пойдет на помощь беженцам из Испании.

Написанная в 1937 году под впечатлением зверской расправы фашистов с мирным населением страны басков, «Герника», по единодушным отзывам критики, является величайшим творением Пикассо. Она уже выставлялась на Парижской выставке 1937 года, а затем в Лондоне.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАЙКОВСКОМ

В апрельском номере журнала «Нувель Ревю Франсез» помещен отрывок из очерка Э. Триоле о Майковском. Очерк содержит краткую биографию поэта, характеристику его творчества и некоторые воспоминания о поэте в бытность его в Париже в 1929 году.

СМЕРТЬ ИОЗЕФА РОТА

30 мая в Париже умер один из виднейших современных австрийских писателей Иозеф Рот, автор невольно переведенного на русский язык романа «Мария Ралецко». Весной прошлого года, после аннексии Австрии фашистской Германией, Рот эмигрировал во Францию. Там в кругу «Югов» и «Кари-ингеритов» он изжил всю свою скорбь по поводу постигнутого его родины несчастья. Захват Австрии фашистами был тяжчайшим ударом для писателя, и ему так и не удалось оправиться от него.

ИСТОРИЯ США В ЖИВОПИСИ

В Нью-Йорке к международной выставке 1939 года открыта выставка картин и гравюр, отражающих жизнь Америки за три последних века.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

«Генрих четвертый» Генриха Манна

Это произведение лежит теперь перед нами в законченном виде, и мы читаем его с тем глубоким, чистым чувством счастья, которое вызывается в нас только подлинно великим искусством. «Зрелость короля Генриха IV» Генрих Манн увенчал свое творчество, книга эта — торжество и слава немецкой эмиграции.

Я не буду пускаться в долгие рассуждения о том, почему этот могучий прозаический эпос не подходит под рубрику обычных исторических романов. Богда вышла «Юность короля Генриха IV», я писал, что герой этой первой части, Каролин, не исторический Генрих Наваррский, а образ, вызванный великим человеком в поэте Генрихе Манне.

Это относится и к «Зрелости». Да, в этом обьемном томе искусство, с которым автор овладел огромным материалом, проявляется еще сильнее, чем в первой части. «Зрелость» тоже действует как большой голубец, но здесь важнейшие фигуры выступают из ошеломляющего множества образов яснее, чем в «Юности». Стилизация менее строга, пост менее отделяет своих героев, они менее похожи на людей Греко, он подпускает нас ближе к ним.

Тема Генриха Манна — великий человек — простирая и труднейшая из всех, какие только существуют. Образ великого человека он рисует себе и нам тысячами средств, не давая, однако, заметить сложности своего метода. Незаметно и все же для каждого попутно показывает он, что такое величие. И величие его Генриха состоит в том, что он всегда делает то, что естественно, человечно, в том, что он

поистине гуманно до колючки ногот, человек, проникнутый сознанием того, что поступать правильно значит поступать человечно. Генрих IV Генриха Манна великий человек потому, что он никогда не упускает из виду того, что делает человека человеком, т. е. разумом.

Генрих IV всегда делает то, что естественно. Узнать зданым чином, что было естественно, не трудно, но неизмеримо трудно видеть естественное своеверием! Это оно обставлено условностями и предассудками и, стало быть, скрыто. Естественно поэтому вовсе не есть простое, и Генрих Манн показывает, что тот, кто хочет помочь победе разума, часто должен идти в высшей степени извлекшими, окольными путями.

Едва ли я мог бы назвать другое произведение мировой литературы, в котором положение «печь оправывает средства» было бы так наглядно и убедительно воплощено, как в жизни Генриха этой книги. Почему Париж стоит мессы, каким образом король, чтобы получить возможность декретировать свободу религии, должен открыться от собственной религии, — эти запутанные факты не только описаны логически, они переживаются в своем воплощении. Не кружим путем лгательных размышлений, но сорпем понимаем читатель, почему многочисленные извлекшие пути Генриха IV правились, несмотря ни на что, почему они ближе всего к великой цели, к победе разума.

«Зрелость», таким образом, является гнимым разуму. Законное восхищение Генриха Манна своим героем передается читателю. Читатель разделяет боль неизмеренных жертв, которые принимает на себя великий человек, остающийся непотопым, потому что он всегда верен разуму, и он

Генрих Манн. Рисунок чешских художников Гофмайстера и Пельца.

наслаждается триумфом, венчающим эту последовательность.

Генрих IV Генриха Манна при всей силе и последовательности его логики и разума никогда не становится бесчеловечным, волюнтаристически. Наоборот, от начала до конца он остается сочным, даже романтичным человеком. В «науных» биографиях Генриха мы читаем, что жизнь это, в высшей степени жизнерадостного и любившего жизнь человека была цепью любовных приключений. В наибольшем достоинстве манновского «Генриха IV» от-

носится то, что поэт не поддался соблазну ввести пестрое множество любовных эпизодов, которые могли бы лишь внести путаницу, что он и тут раскрыл смысл в бессмысленном, произвел отсев и направил внимание читателя на то, что существенно. Изобилие любовных историй Генриха не скрывается, но оно служит исключительно фоном для того великого события в жизни короля, которому принадлежит и вся страсть его поэта, — фоном для любви Генриха к Габриэли д'Эстре. История его бурной связи с королевой Марго, заполняющая большую часть первого тома, является лишь прологом; изображением его страсти к Гюльетте д'Антрэ — лишь антологом; рассказ о его браке с Марией Медичи — лишь комическим страшным вступлением к настоящей большой сердечной истории этой книги. Эпос Генриха Манна о страсти, по существу, робкого, очень земного, великого и безобразного короля Генриха к прелестной Габриэли, принадлежит к прекраснейшим любовным историям мировой литературы. Эта страсть патетична, трогательна и великодушна, часто комична и всегда очень человека. Ни не пропущено, ни глупое, ни смешное, ибо и самый глупый, самый смешной эпизод не может умалять огромного впечатления от этой любви. Когда Генрих застает свою милую врасплох, и она едва успевает спрятать под кроватью своего друга, и когда после полученного наслаждения он сбрасывает бедному любовнику под кровать кусочек того, что он, проголодавшийся, сам ест, то этот яркий и смешной эпизод не делает смешным ни его, ни Габриэль, ни их любовь.

На протяжении этой истории показано, как Генрих из любящего, которого терпит прекрасная Габриэль, превращается в его возлюбленного, как он, и в высшей страсти применяя средства разума, с помощью терпения и упрямства пробуждает и разжигает любовь, в изобавленную, капризную жепшине. Эта удивительная любовная история тоже одновременно и сложная и проста. Законнейшим образом, без многословия, комментирования, психологизирования, пользуется всегда лишь приемами легки, Генрих Манн достигает того,

что Генрих и его Габриэль не только узнают, но часто восхищаются сложным, безобразным, нередко даже отвратительным человеком и любят восхитительную Габриэль, как ее любил народ и поэты.

В книге особенно привлекательна противоположность между весьма современным человеком — Генрихом и эпохой барокко, в которой он жил. Изображение этого барокко, его замков, его одежд, его танцев, ярких церемоний требует сильных, ярких красок, какие Генрих Манн издалюба и в которых он не имеет соперников.

Благодаря основной теме книги — проследению разума, и серьезной, благородной, сильной воле к разуму у Генриха Манна это сверкающее разнообразие не переходит в кричащую пестроту.

В конце своей эпопеи поэт заставляет мертвого героя произнести речь, в которой он еще раз излагает в прозрачно-простых словах (по-французски) свою тему: что такое величие? что такое великий человек? Небольшой эпизод полон гордости, скромности и мудрости, и оба, поэт и король, несмотря на нить разочарования, говорят миру свое жизнеутверждающее «да».

Генрих Манн поручает своему мертвому королю сказать в начале этой речи: «Меня вызвали, моей жизнью пожелали вдохновиться». Это звучит скромно, но эта нель, вдохновляющая жизнью великого человека, известным образом дожить ее до конца, самая горячая, какую может поставить перед собою поэт. Генрих Манн достиг своей высокой цели. Он вызвал из царства мертвых одного из самых великих и великих людей, дабы он эпоха жил. Имена Генриха Наваррского и поэта Генриха Манна отныне связаны навеки.

Генрих IV следующим образом заключает свою речь: «Смотрите на него, взгляните в него, в старика; ему не стоило никакого труда явиться перед вами после того, как кто-то его позвал». И это верно. Он действительно явился, этот мертвый король, он тут, и явился без труда и мук. И если в прекрасном, полном мудрости эпизоде что-нибудь неверно, то лишь одно: тот, кто вызвал мертвого, не «кто-то», не «quelqu'un», а Генрих Манн.

Над Пиренеями

А. ПЛАТОНОВ

Из южной Германии — по небу Франции — летит отряд немецких самолетов-истребителей на помощь генералу Франко. Одну из машин пилотирует Эрих Зуммер, антифашист. С ним вместе летит фашист — штурман Фридрих Кениг.

Машина шла высоко над Францией. Фридрих Кениг сидел позади Зуммера, касаясь ручья дублированного управления. Тихий, скромный свет горел над доской приборов против Зуммера, и пиферблаты приборов глядели оттуда на летчика с разным выражением своих лиц, одни нахмурясь, другие улыбаясь, третьи важно шевелили усами стрелок, будто они нарядились в стариков. Эрих улыбнулся на свои пиферблаты; они показались ему детскими рожицами, потопством, которое он нарочай от верной, любимой жены.

Летчик поглядел вверх на небо Франции — какое оно было здесь, над чужой, но милой и свободной страной. Вечные звезды сияли на небе, подобно недостижимому утешению. Но если это утешение для нас недоступно, тем более, следовательно, земля под небом должна быть для человека прекрасной и согретой нашим дыханием, потому что люди на ней обречены жить безвыходно.

«Я его убью!» — решил Зуммер участь Кенига. «Он и они хотят нас искалечить, унизить до своего счастливого идиотизма, чтобы мы больше не понимали звона и не чувствовали друг друга, а это все равно, что нас убить; это хуже: это ребенок с выколотыми глазами. А мы хотим подняться над самими собой, мы хотим приобрести то, чего не имеет сейчас и самый лучший человек на земле, потому что только это для нас самое необходимое. Но чтобы приобрести это необходимо, следует перестать быть привычным к самому себе, постоянным, неподвижным, смиренным человеком... Кениг, вот, ни в чем не чувствует нужды, и он летит сейчас со мной на завоевание мира, чтобы навсегда лишиться земли и свободы тех, кто в них нуждается. Сам же он не нуждается ни в свободе, ни в счастье, ни в любви, и поэтому он хочет уничтожить то, что ему не нужно. Ему вполне достаточно тюрьмы и могилы, но он оставил туда свободную дорогу только для нас. Он доверил, он уверен, что добыл для себя мировую истину, и теперь шептает ее себе на пользу. А я бедняк, я печальный человек, я полон нужды и тоски по свободным людям. В этом наша разница с ним, и поэтому я убью Фридриха Кенига... Мне почему-то кажется, что я прав, а Кениг наверняка думает, что он прав, но я уже не могу сдержать свою жизнь и его! Пусть наша общая мысль и горе встанут на их веру и ослепят!»

Время ушло за полночь. Флагман вел сейчас группу машин с обычной крейсерской скоростью; он на небольшой сравнительно высоте; он не желал изнашивать моторы форсировкой, экономил горючее и не опасался французоз.

Французская земля лежала во тьме под машинами. Там, в деревнях и городках, в хижинах среди пшеницы и виноградников, спал сейчас уставший за день народ. Зуммер долго вглядывался в далекую землю, стараясь различить на ней какой-нибудь свет, доказывающий существование человека. Наблюдению, должно быть, мешала ночная пелена тумана, подымавшаяся с возделанных полей, надыхавшаяся влажными устами культурных растений. Но вот Зуммер заметил слабо светящееся пятно, еле движущее по земле поперек курса самолета. Что это может быть? Курсы догадывался: это прожектор французского курьерского паровоза, идущего либо на Нишну, либо в Пиренеи.

На доске приборов вспыхнула маленькая красная лампочка с надписью «штурман». Зуммер склонился немного вперед, где висел микрофон, соединяющий его со штурманом.

— Мы подходим к испанской границе, — сказал ему Фридрих Кениг. — Под

ИЗ РАССКАЗА «ПО НЕБУ ПОЛУНОЧИ».

шла вниз на кампи Пиренеев, темная и умоляющая на смерть. Остальные три машины обтекли в воздухе своего флагмана и продолжали свой путь на сбалансированной скорости, точно в размывлении, медленно выстраиваясь одна за другой. Зуммер погнался за ними, решил взять их пульты с хвоста. Но штурман задней машины начал бить по Зуммеру со своего места из турельного пулемета, и вдруг он перестал стрелять, потеряв уверенность, очевидно, что он делает правильно, расстреливая немецкую машину, и наблюдая, как напарную, открыто, не запинаясь, его догонит своя машина. И Зуммер ли сбил машину флагмана? Может быть, это ошибка, и флагман сокрушен испанской машиной? — предпологал хвостовой штурман, бездействуя и слезя за Зуммером.

Проблизившись и взав немного высоты, Эрих Зуммер слегка опустил нос машины, а потом вновь тронул гашетку и начал раскаты из всех трубок своих пулеметов задней самолет отряда. Вокруг на фашистской машине с равной стал смертвую и, колебнувшись в неустойчивости, машина беспомощно завалилась к земле рыть себя могли. Но перелая машина группы, занявшая место флагмана, перешла с крейсерской на максимальную скорость и глубоком выражении захлопала настречу Зуммеру, становясь в атакующее положение. Зуммер, не прекращая огня, дал весь газ в мотор, поставил наиболее выгодное зажигание и пошел точным прямым курсом в лоб противнику, желая уничтожить его своим пулеметным огнем и добить ударом — винтом в винт, тело в тело, взять врага в таран. Противник Эриха, не успев заметить выгодной боевой позиции, понял маневр Зуммера и стал резко набирать высоту. Он решил, вероятно, поразить Зуммера сверху. Однако, запрокинув машину, Зуммер отступился в хвосте противника и неотступно последовал за ним. Зуммер лучше владел тяговой работой мотора, чем его противник, потому Эрих догонял противника, идущего на машине той же скорости. Вел огонь и преследование. Зуммер, вспоминая по последней, живой самолет, который еще может его ударить. Он посылал его глазами в небо и увидел темный силуэт машины и сверкающие огни из трубок ее мотора далеко в стороне. Машина ушла из боя в бегство. «Жаль», — подумал Эрих. — Темно, полночь, фашисты уже близко, не догонишь».

Резкий свет, как безмолвный взрыв, вспыхнул впереди Зуммера, и летчик зашуршал. «Я горю, Нет!» — и Эрих отпустил гашетку, потянул ручку управления, сделал крутой вирос тели, вырываясь из гибели, пошел обратным курсом и опомился. Машина противника, вращаясь и скручивая собственное кольцо, бьющееся в ее корпус, ухнула пол ним вниз, чтобы вознаться в землю или раздробиться о скалу.

«Кончено», сказал Эрих и вздохнул с удовлетворением, как после выполненной мучительной работы. Он развернул машину и повел ее в Испанию. Небо теперь было пусто вокруг него.

По ту сторону Пиренеев лежал туман. Зуммер, сберегая горючее, не стал обходить его сверху, а вошел во влажную тьму и пошел сквозь нее прямым курсом. Он летел сейчас на уменьшенной скорости и рассчитывал свой путь, чтобы посадить машину на республиканскую землю. Возможно было вскоре пойти на снижение, но по соображениям летчика пол ним находилась преграда Пиренеев, а туман, наверное, стался до самой поверхности земли, стесняя тьму ночи в густой мар.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

Зуммер увидел слабый свет. Он вышел туча, где светился свет, и увидел море, занимающееся рассветом будущего дня, первоначальной зарей нового времени.

Зуммер оглянулся на покойного штурмана; тот молчал, хотя еще недавно он был уверен в завоевании всего мира. Пусть спит спокойно и вечно все завоеватели мира — они жизнь хотели превратить в игру и в этой игре выиграть; они предположили в своем жалком сознании, что действительность лишь шутка, и у них не было ни скромности, ни благородства, ни привязанности к людям, чтобы понять, что это все, где мы существуем, серьезно и мучительно, — так пусть же они спят мертвыми...

К 1000-летию юбилею армянского народного эпоса «Давид Сасунский» в Ереване готовится юбилейное богато иллюстрированное издание «Давида Сасунского». На снимке: иллюстрации Ашота Мамаджаняна.

140 лет со дня рождения А. С. Пушкина

Отдельные строки Пушкина

ИВАН НОВИКОВ

На Пушкине во многом выросла вся последующая русская литература, но также верно и то, что с его именем связан еще и огромный научно-исследовательский труд многочисленных ученых сил, создавших целую науку о Пушкине.

Очень хорошо, что, хотя и медленно, но тем за томом выходит в свет академическое издание полного собрания сочинений Пушкина, по с тем больше силой возникает ныне читательская потребность увидеть выпущенные из печати и те сопутствующие изданию сочинения тома ученых исследований и комментариев, без которых невозможно углубленное занятие Пушкинием. Часть этих трудов готова в печати и ждет выхода в свет. Хотелось бы также видеть издание переписки Пушкина, завершающей по тому самому плану, как оно было задумано и начато покойным его редактором Б. Л. Модзалевским: остался невышедшим в свет только один IV том! Дело в том, что у нас Пушкиным занимаются отнюдь не одни только ученые пушкиноведы и несколько человек писателей: у нас вовсе не мало читателей, глубоко и по-настоящему изучающих Пушкина. Пора пойти им навстречу!

Я потому предвижу мою небольшую заметку об отдельных строках Пушкина» этими общими замечаниями, что хочу, всего лишь на двух приводимых мною конкретных примерах, насколько я знаю, не останавливавшихся на себе внимания исследователей, показать, как иногда внимательное чтение самого текста открывает нам нечто новое в Пушкине.

Имеется ли это отношение к науке о Пушкине? Это имеет отношение к более глубокому пониманию поэта, а эту задачу ставит себе и наука о Пушкине.

Вернувшись из Москвы в Михайловское в ноябре 1826 г., Пушкин написал небольшую стихотворную отрывок «Как счастлив я, когда могу покинуть». Этот отрывок многие считают наброском будущей «Русалки». В этом можно усомниться, равно как и в том, что здесь дается конкретный образ какой-либо женщины, но не на этом хотел бы я сосредоточить сейчас внимание читателя.

Дав женский образ, все внешние черты и все краски которого взяты из окру-

жившей его в ту пору природы — осенняя холодная вода в свете луны, — Пушкин хочет охарактеризовать речь этого существа:

А речь ее... Какие звуки могут Сравниться с ней — младенца первый лепет, Журчанье вод, или майский шум небес, Или звонкие Бояна Славья гусли.

Все эти сравнения: первый лепет младенца, журчанье вод, майский шум небес — необыкновенно гармонично друг с другом, неся в себе большую чистоту, прозрачность и юность, поэтическое звучание ранней весны — природы и человека. Все они, хотя и с разными оттенками, говорят об одном и том же. Поэт осторожно и бережно кладет рядом один за другим возникающие в нем образы, и вдруг, на первый взгляд совсем неожиданно, прибавляет к первым трем сравнениям — четвертое: «Иль звонкие Бояна Славья гусли».

Принимая во внимание этот ровный ряд образов-сравнений, из которых одно как бы отражает в себе другое, а все они в совокупности дают характеристику одной и той же речи, не приходится сомневаться в том, что и последнее сравнение дано в той же самой тональности.

Таким образом, четыре эти строки, давая то, что они дают, — характеристику речи женского образа, возмозного в движении воды, — вместе с тем неожиданно дают нам и нечто большее: они открывают нам, как Пушкин воспринимал древние истоки нашей поэзии. Оказывается, что он воспринимал и характеризовал древнюю (она же и юная) напу поэзию, как первый лепет младенца, как журчанье вод, как майский шум небес.

Так возникла эта непривычно родившаяся в минуту лирического волнения «критическая статья» в четырех поэтических строках.

Второе, о чем мне хочется сказать несколько слов, — это две строки из «Полтавы»:

Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки.

Речь идет о словах — «слабым манием».

В словаре Даля читаем: «Мание, мановенно — знак рукой, головою, глазами или иного рода, в виде приказания. Манием творца мира зинуются и рассыпаются впрах. Одним мановением царя воздвиглись тысячи».

Как видим, Дале не делает различия между «манием» и «мановением». Пушкин же тонко ощутил это различие для данного конкретного места, иначе ему было бы проще сказать:

Вдруг мановением руки На русских двинул он полки.

Карл ранен, страдает, он недвижим, биеден, его несут в качалке, и вдруг движение руки он дает своим войскам знак двинуться на русских. Каким же именно движением?

Пушкин гениально почувствовал разницу между величественным мановением и «укороченным» манием, характер которого еще отчетлив зипотом — «слабым манием». Тем самым, не говоря прямо о тяжести раны, он дает нам понять об этом по слабости движения руки, он дает нам опустить такую общую слабость раненого Карла, что даже само слово «ма-по-ве-ни-ем» становится слишком длинным, как бы непосильным даже для произнесения, необходимого для передачи того движения, которое оно изображает. Карл был способен дать знак именно только «слабым манием».

К этому добавим еще и второе замечание.

При варианте: «Вдруг мановением» — ударный слог как бы висит на всей длине трех предшествующих ему неударных: это решительное, длинное и прямое — всею рукой — движение. В пушкинском же тексте движение короткое, составное, что Карлу еще по силам. При двух смежных ударах здесь именно передается то самое волеобразное короткое движение, которое в точности и соответствует задуманному образу.

В заключение скажу, что подобные самостоятельные наблюдения должны дать большую поэтическую радость каждому чуткому к поэзии читателю Пушкина.

ПУШКИН И ЭПОС НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

М. ЦЯВЛОВСКИЙ

Но не знает замечательных слов Пушкина в письме к брату из Михайловского: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

Горячий интерес Пушкина к народному творчеству, усилившийся в его Михайловской ссылке, проснулся раньше. Еще в Кишиневе записал он русскую сказку и несколько молдавских песен и преданий. Приятель Пушкина по Кишиневу — Липранди подробно излагает содержание «двух современных исторических песен, которые в особенности занимали Александра Сергеевича». Песни эти, «беспрерывно слышавшиеся на всех улицах» Кишинева, сложены в честь двух предательски умышленных главарей народного движения, протекавшего на глазах османского за независимость Пушкина. Мы знаем, с каким напряженным вниманием следил Пушкин за гетерей, и легко представлял себе то волнение, с которым он записывал песни об эпизодах этого движения.

Записи Пушкина молдавского эпоса, к сожалению, не сохранились. Не сохранились и две повести, будто бы «составленные» Пушкиным по записанным со слов гетерозов преданиям.

После Михайловского новое обращение Пушкина к фольклору было во время поездки его на Урал осенью 1833 года. Целью поездки было собрать извустный материал о народном восстании Пугачева, предания о котором еще живы были среди стариков. Этот материал имел для Пушкина первоестественное значение, рассказы стариков давали плоть и кровь образу Пугачева, которому Пушкин посвятил свой труд «История Пугачева» и свою замечательную повесть «Капитанская дочка».

Пушкин записал тут и прекрасные народные песни с обычными любовными мотивами. Здесь, как и раньше, почти всегда, когда Пушкину доводилось встречаться с представителями других национальностей, по с жадным интересом знакомился с новым для него народом, с его художественным творчеством. Слышавшую в Грузии в 1829 году песню он вставляет в свое «Путешествие в Арагуи». Так и теперь, во время поездки на Урал, общался с калмыками и киргизами, он собирает фольклорный материал. Пугачев в

Кул падает в колодез, и Байн-Слу засыпает землей убицу мужа, а сама закалывается.

Сказка эта, очень древнего происхождения, с XIII века до сих пор в различных вариантах распеваеся акынами. Лишь в 1870 году она была опубликована на киргизском языке академиком В. В. Радловым по его записи; на русский язык она переведена лишь в наши дни, в 1927 г.

Когда и при каких обстоятельствах Пушкин получил запись этой сказки, остается неизвестным. Но, конечно, запись, сохранившаяся в архиве Пушкина, не принадлежит Крюкову — она сделана человеком малограмотным (дословное воспроизведение ее см. во «Временнике Пушкинской комиссии», вып. III, 1937 г.). Вероятнее предположить, что Пушкин получил запись сказки во время своей поездки на Урал. Трудно себе представить, чтобы он хранил ее без намерения использовать в художественных целях. Все вышеприведенное об отношении Пушкина к устному творчеству народов России, нам кажется, ярко свидетельствует о том, что запись киргизской сказки для Пушкина была материалом для какого-то, к сожалению не осуществленного, замысла.

Но как бы там ни было, в дни декады киргизского искусства дорого отметить, что Пушкин был одним из первых русских, оценивших киргизский эпос.

В заключение нельзя не отметить, что Пушкин был первый русский поэт, переведенный на киргизский язык. В 80-х годах прошлого столетия поэт Абай Кунанбаев перевел отрывки из «Евгения Онегина». Отрывки эти распеваеся под аккомпанемент дombra на народных праздниках и на свадьбах. Герои этих песен называются по-киргизски — Татын (Татьяна) и Серыжитит, что значит одаренный человек, любящий странствовать (Онегин).

Таким образом осуществилось пророчество Пушкина в одной из черновых редакций «Памятника»:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык — И [внуз славян], и фин, и ныне полудикой Тунгуз, киргизец и калмык.

В Шегешвар

ЭМИЛЬ МАДАРАС

Телега сельская. Унылых пара кляч. По сторонам пыль меловая вьется. И на соломе бледный человек, Полуостудит, полусодат трясется.

У Шегешвара там отец и храбрый Бем, С ним тысячи гусар с ума сошли от жару, «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. На нем с иголочки майорский доломан, Стан юноши сжал пояс ад'ютантский, Рубашка Гамлета, он ворот распахнул, На хмурым лоб пал клок кудрей цыганских.

И лист бумаги тихо шелестит. Как бисер, почерк, рифма ищет пару. «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. А господин майор бумагой шелестит, В рубашке Гамлета его душа вивает. И взор его летит к далеким облакам, Летят слова сквозь зыбь и песня нарастает.

Какая песня, — горем надута. И молния подобная удара. «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. В полете песня. То она гремит, То плячет, то хрипаше мести просит, Никто, как он, народ так не любил, Вернее слез, чем он, земле не бросил. Проигран бой! За лето славы вновь Зима рабов несет всю рабства кару — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. Проигран бой! Европа вновь тиха, И снова гнет и рабство без предела.

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам, Кус пожирнее, чтоб схватить недаром — «Н-но, Шаркань, Виллам!» — Лошадя рысцой

Телегу катят к Шегешвару. И спивет кнут, немецкий режет кнут Народа мысля и связанное тело. Преталел сломали знамя нам,

Лирические стихи

Близкому

Да здравствует родина! — Крикну, и сразу —

И если в легкие хлынет газ, И мне уж не видеть

Спокойной ночи

Врываюсь, прибор грохочет, Бушуют грозят кораблю...

Седой, как польня-трава... Ты сон о другом

Е. МАРТИРОСЯН

Степан Зорьян

Писатель-орденоносец Степан Зорьян — один из крупнейших беллетристов Советской Армении.

Фос социалистического строительства в Армении. В этом отношении значительен по своему идейному содержанию роман «Белый город».

Годы империалистической войны знаменуют переломный этап в творчестве Ст. Зорьяна.

Неотразимую силу большевистской правды Ст. Зорьян вскрывает в образе старой суверенной прачки («Девушка из библиотеки»).

После Великой Октябрьской социалистической революции талант его расширяется, расширяется круг его тем.

Заслуживает внимания последний автобиографический роман Ст. Зорьяна «История одной жизни».

Для героев Ст. Зорьяна аморально все то, что препятствует победоносному шествию революции.

Как писатель Ст. Зорьян популярен и любим не только в Советской Армении, но и в братских союзных республиках.

Следует вглядеться в дальние ветви, Полноудье весеннее славы.

Многие произведения Зорьяна переведены на русский, украинский, грузинский, и другие языки народов СССР.

Купель поэзии — мне — виноградный чай. Я думу бросил в яд, как в сусло золотое.

К этому мотиву возвращается Г. Леонидзе и еще в других вещах, например, в стихотворении «Облака проносятся».

Каждый вечерный выглядит это самоопределения сегодня! Вот уж как раз с вымывающим цинизмом Рембо у Георгия Леонидзе

Литературная газета № 31

Пренебрежение к читателю

Способность завоевать расположение и доверие ребенка дана немногим, хотя стремясь к этому многие.

Дети очень требовательны и, сами того не сознавая, строги к взрослым, обмалчивают их трудно, всякую ложь они чувствуют безошибочно и отворачиваются от нее инстинктивно.

Как часто взрослые становятся смешными и жалкими в своих распрямленных попытках завоевать любовь детей.

Они расточают неумеренные похвалы, суетливые восторги, тормошат ребенка и говорят с ним слезливым «детским» языком.

Способность проникнуть в психологию ребенка, проследить за едва уловимыми изменениями ее — это одна из очень редких способностей, и немногие писатели озабочены ею.

Не потому ли в художественной литературе так мало произведений, в которых образ ребенка был бы воспроизведен с такой волнующей силой, как Ленка в рассказе Горького «Страсти-мордасти»?

При всех значительных успехах, которых достигла наша детская литература, создание любимого героя, живого, правдивого образа ребенка требует еще очень серьезного внимания детских писателей.

Об этом еще часто забывают некоторые наши детские писатели.

Примером такого запискивания в ребенке по методу «своего в доску» является книга Л. Веприцкой «Мой друг Алеша».

Искусство владеть диалогом — одно из наиболее сложных и тонких в художественной литературе.

Л. Веприцкая, не проверив своих сил, взяла на себя смелость говорить от лица своего друга Алеша, и голос ее сорвался на самой же первой странице: мальчик рассказывает о том, что мама его называла Алешушкой, а он взял да «трахнул кулаком прямо в тарелку с кашей — бап! — маме на новое платье».

Где же детские интонации в этой заключительной фразе ребенка? Автор назвал ее мальчиком от себя, и слова Веприцкой заключаются в том, что якобы деланный разговор ребенка на протяжении всей книги слышен «густой голос» автора.

«Очень важный вопрос: кем я буду?» — говорит мальчик. И эта фраза фальшивит. Правда, дети часто заимствуют обороты речи у взрослых, но не столь бурно.

важно и не в таком резонерском тоне, к тому же в размышленных наедине с собой.

Еще яснее слышится фальшь там, где мальчик передает разговоры взрослых: «Сам смеялся, кто пошест, а кто не пошесту, то заведующий не велел на нем женщины с детьми на станицу доставлять. Вот и весь сказ».

Автор не услышал в этом удвоенной фальши: во-первых, трафарета, по которому он построил фразу кучера, во-вторых, того, что ребенок отнюдь не стремится передать чужую речь столь «художественно», а если бы и захотел, то сделал бы это значительно свежее, потому что с трафаретами он не знаком и не испорчен ими.

«Сразу у меня нос закапал...» «И тут же начинаю слезами капать опять на свою тетрадку!» «...Печенка у меня в животе болтается, дышать не дает».

Доказательств того, что автор не слышит детской речи, не знает ее интонаций, не замечает прихотливости, яркости и свежести детского языка, бесконечно много. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть паутину любую страницу.

Ритм речи мальчика всюду один и тот же, он не меняется в зависимости от настроения ребенка, от его отношения к людям, вещам, обстоятельствам.

«Мой друг Алеша» очень напоминает такого изломанного мальчика и быстро утомляет своего читателя. К тому же интонация Алеша докучливо однообразна.

«Школа новая. И ворота новые. И штаны у меня новые. И я сам — новый ученик».

В речении многих лет в детской литературе велась настойчивая борьба с фальшью, убожеством мысли и чувства, этими неизменными атрибутами псевдодетской литературы.

«Красной стрелой» Алеша рассказывает так: «Этот поезд такой есть: свистит, гудит, без остановок бах-трах — и приехали».

«Еще больше автору понравилось не менее тонкое наблюдение над особенностями детской речи».

«Мой друг Алеша» очень напоминает такого изломанного мальчика и быстро утомляет своего читателя.

«Школа новая. И ворота новые. И штаны у меня новые. И я сам — новый ученик».

В речении многих лет в детской литературе велась настойчивая борьба с фальшью, убожеством мысли и чувства, этими неизменными атрибутами псевдодетской литературы.

«Красной стрелой» Алеша рассказывает так: «Этот поезд такой есть: свистит, гудит, без остановок бах-трах — и приехали».

Ответ по существу

П. Бориненко в статье «Нора и Ибсен», напечатанной в «Литературной газете» от 20 мая, опроверг неверное утверждение В. Розенштейна («Комсомольская правда») о том, что Ибсен безнадежно устарел для советского театра.

Взрослые разговаривают в книге тем самым панбратским, панбратским тоном, который подменяет уважение к детям.

Сюжетная сторона книги не менее скудна, чем ее изобразительные средства.

Первые дни в школе, споры и дружба с товарищами, пренебрежение к ним и увлечение другими, бой снежками, заблывающееся вранье мальчика, начитавшегося Моюхауэна (хотят сказать, совсем не смешное, хотя Алеша настойчиво уверяет, что со смеху покатылся весь класс), рассказ летчика о рискованном прыжке с парашютом, сопровождаемый нравочувственными сентенциями об отношении к машине и человеку.

Дети получили одну из книг, автор и редактор которой не уважают читателя.

В речении многих лет в детской литературе велась настойчивая борьба с фальшью, убожеством мысли и чувства, этими неизменными атрибутами псевдодетской литературы.

«Красной стрелой» Алеша рассказывает так: «Этот поезд такой есть: свистит, гудит, без остановок бах-трах — и приехали».

«Еще больше автору понравилось не менее тонкое наблюдение над особенностями детской речи».

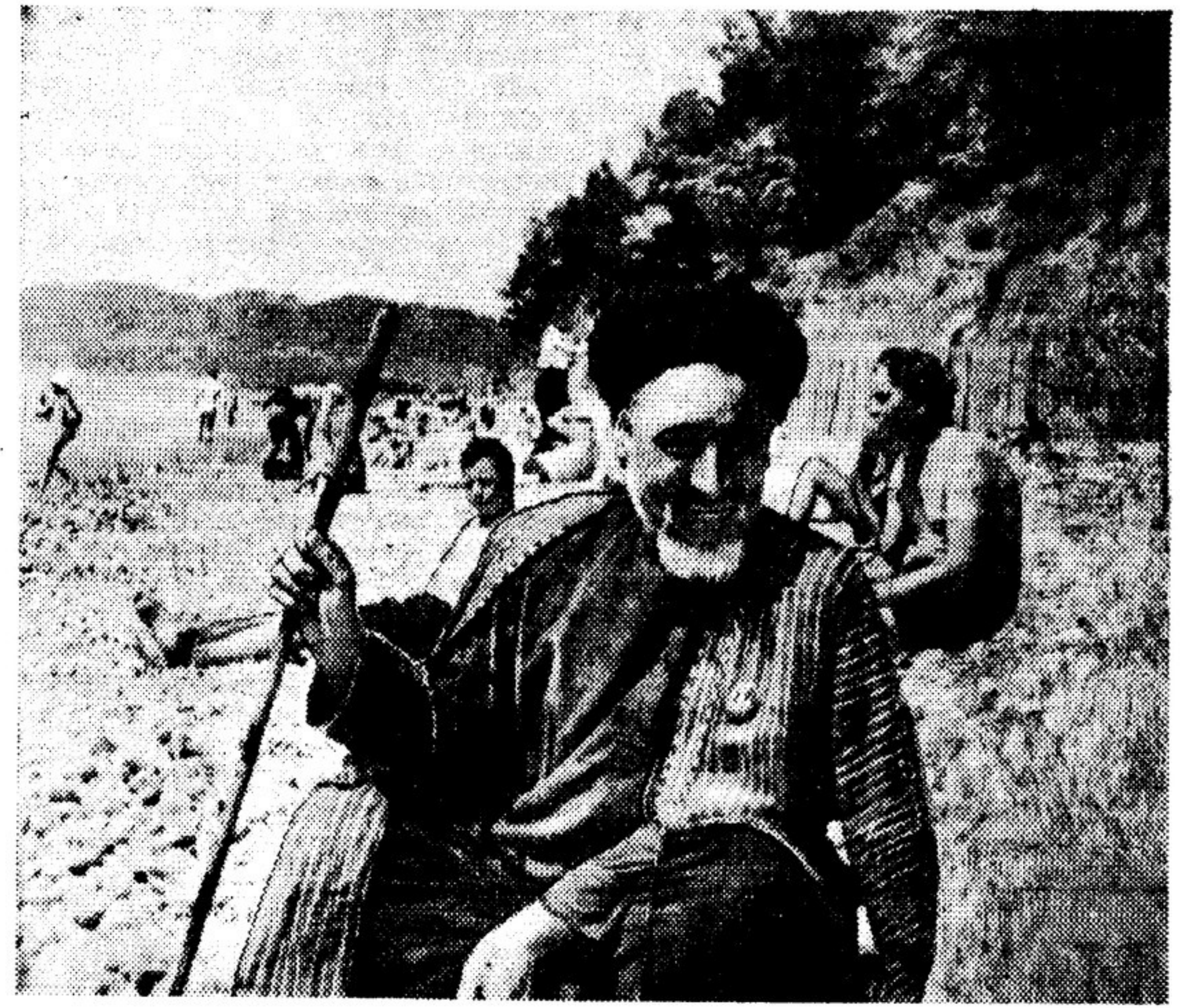
«Мой друг Алеша» очень напоминает такого изломанного мальчика и быстро утомляет своего читателя.

«Школа новая. И ворота новые. И штаны у меня новые. И я сам — новый ученик».

В речении многих лет в детской литературе велась настойчивая борьба с фальшью, убожеством мысли и чувства, этими неизменными атрибутами псевдодетской литературы.

«Красной стрелой» Алеша рассказывает так: «Этот поезд такой есть: свистит, гудит, без остановок бах-трах — и приехали».

«Еще больше автору понравилось не менее тонкое наблюдение над особенностями детской речи».

В пансионате «Кавказская Ривьера» (Сочи) отдыхает народный пост Турмехистана орденосеца Дурды Илчы. На снимке: Дурды Илчы у моря. Фотохроника ТАСС.

6 июня — в Пушкино

ЛЕНИНГРАД. (По телеграфу от нашей мор.). Президент Пушкинского городского совета постановил считать 6 июня — день рождения А. С. Пушкина — ежегодным традиционным праздником трудящихся города Пушкина.

Народное гуляние, посвященное 140-летию со дня рождения Пушкина, проводится в Ленинграде Центральным парком культуры и отдыха им. С. М. Кирова.

«ЧИНГИС-ХАН»

Гослитиздат выпустил в серии «Исторические романы» повесть В. Яна «Чингисхан» — повесть из жизни старой Азии, как гласит подзаголовок.

Автор предисловия востоквед проф. С. Киселев пишет: «Роман заполняет тот важный пробел, который существует не только в художественной, но и в научной литературе, не имеющей советской книги о Чингисхане и завоеванных монголах».

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Лирика Георгия Леонидзе

Георгий Леонидзе среди грузинских поэтов, прекрасно умеющих чувствовать и изображать природу, может быть, один из наиболее влюбленных в нее.

ниде ничего нет общего, вот уж как раз «сумасбродство» — никак не характерно для большинства его стихов.

Следует вглядеться в дальние ветви, Полноудье весеннее славы.

Многие произведения Зорьяна переведены на русский, украинский, грузинский, и другие языки народов СССР.

Каждый вечерный выглядит это самоопределения сегодня! Вот уж как раз с вымывающим цинизмом Рембо у Георгия Леонидзе

юности с вечною темой тоски о загубленной юности, например, у Сергея Есенина или у его последователей. У них — это безнадёжность улавливая, упадок, расклевывание мысли и чувства.

Я буду петь, пушквейт истлея дотла, Дождиком, кружкой зерна.

Повесть утверждает Г. Леонидзе как качество самой природы, как ее вечность, как одно из ее жизненных проявлений.

Однако это не значит, что поэтический путь Г. Леонидзе лишен противоречий, огибок, антагонизмов.

ниде еще не установил точно даже для самого себя, какое из этих начал избрать. Но все они характерны широким и волнованным изображением природы той страны, в которой родился и вырос великий вождь народов.

Нет сомнения, что тема о воле народа, когда пост берется за нее с полной творческой ответственностью, обогащает и возмывает его самого, заставляет поэта стремиться к наибольшей точности словесного и образного выражения.

Голос выскребу будет резок чтоб от рифмы не мяк, а крен, чтобы просто правду резал как режешь ножом хлеб.

Поэма о детстве товарища Сталина, над которой работает Г. Леонидзе, имеет несколько начал. Чувствуется, что Г. Леонидзе еще не установил точно даже для самого себя, какое из этих начал избрать.

Поэма о детстве товарища Сталина, над которой работает Г. Леонидзе, имеет несколько начал. Чувствуется, что Г. Леонидзе еще не установил точно даже для самого себя, какое из этих начал избрать.

Молтай, есть страна на свете, Там работать не обидно, Там не вычерпать обилья, И конца ему не видно.

Социализм здесь, в этих трогательных и наивных мечтах, еще не назван автором по имени, как не назван еще и тот, вокруг которого собралось народное творчество.

Поэт — это только на подступах к решению избранной им темы. Удачу отдельных фрагментов своей поэмы ему предостает еще превратить в удачу вещи в целом.

Поэт — это только на подступах к решению избранной им темы. Удачу отдельных фрагментов своей поэмы ему предостает еще превратить в удачу вещи в целом.

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ИСКУССТВЕ

НАУЧНО-ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Образы Ленина в искусстве — театре, драматургии, кино — была посвящена четвертый день интересная научно-творческая конференция, созванная в Москве Всероссийским театральным обществом.

Впервые несколько сот деятелей театра, литературы, кинематографии, изобразительных искусств, науки собрались вместе, объединенные единым стремлением подойти к разрешению важнейшей проблемы советского искусства — воспроизведению образов величайших людей нашей эпохи, образов вождей революции.

Вступительное слово произносит, открывая конференцию, народная артистка СССР А. А. Яблочкина, которая говорит:

— Нам близка каждая черточка дорогих образов Ленина и Сталина, но наша задача оказалась бы выполненной только частично, если бы мы ограничились одним воспроизведением сходства. Мы обязаны воплотить в искусстве и средствами искусства светлый гений этих людей, величие их душевной простоты, самоотверженную преданность делу угнетенных и обездоленных, непоколебимую силу их исторических, прогрессивных идей.

Затем вступительную речь произносит А. Н. Толстой.

— Образы Ленина и Сталина в искусстве, — говорит он, — это содержание всего нашего социалистического искусства. В самом деле, конференция не может ограничиться только рассмотрением нескольких фильмов и пьес, где намечены или более или менее удовлетворительно показаны Владимир Ильич Ленин. Конференция несомненно выйдет за границы этой темы и поставит вопросы о существе социалистического искусства, порожденного тем социальным стремлением, которое возникло благодаря философским идеям Ленина и Сталина, реализованным в сознании и творчестве народов СССР.

В нашем социалистическом обществе искусство становится в самом широком значении этого слова орудием познания социальных процессов нашей жизни, процессов, связанных с историей культуры народов СССР и с их отношением к капиталистическому окружению нашей страны.

Союз советских социалистических республик хочет узнать сам себя, знает, понимать и видеть себя в своем могучем и победном движении к коммунизму.

— Тематика нашего искусства, — продолжает А. Н. Толстой, — велика и многообразна — от вопросов обороны до вопросов любви, и вся тематика нашего искусства покоится на первоначальной базе, на философских идеях Ленина и Сталина, которые создали наше бесклассовое общество и управляют его движением в сторону победы, роста, овладения природой во всем ее многообразии, от человеческого разума до недр земли, в сторону развивающегося состояния счастья, присущего человеку на земле, ибо для человеческого счастья мы строим коммунизм, для человеческого счастья мы ошестивляем мощными орудиями границы нашего государства; для справедливого счастья жила, мысли и борьбы Ленин, для всеобщего счастья живет, мыслит и борется Сталин.

Реалистическая философия коммунизма, как солнце, возшедшее над миром, отражена и в океане жизни и в каждой капле росы, в гигантских человеческих коллективах, строящих наше государство и обороняющих его, и отделив в юной душе левушки и юноши, в которых неожиданно, как весенняя гроза, пришла любовь, и они не знают, как с ней распорядиться, и в смятении бегут в театр или хватают книгу, чтобы писатель — «инженер человеческих душ» — научил, как быть с такой «опасностью».

И малое и великое в нашем обществе построено на высоких идеях Ленина и Сталина. Поэтому-то образы Ленина и Сталина составляют глубокое содержание нашего искусства. Оно — искусство наше — есть порождение отменных умов, так или иначе умышленных в своем движении, как это мы видим на лучших примерах буржуазного искусства. Наше искусство — творение народа, строящего коммунизм, наше искусство возрастает на

героической земле нашей родины. Кровь и плоть нашего искусства героичны, наше искусство народно, реалистично и национально.

Десятки миллионов читателей требуют этого. Они требуют, чтобы каждая наша книга, пьеса и фильм стали достоянием всего народа, т. е. они предъявляют требование классичности к искусству. Будь Пушкиным, говорят они, Тургеневым, но таков наказ народов СССР — искусству равняться по высшему потоку.

Всенародное сознание — это сознание победоносного пути. Отсюда глубокий, неотъемлемый оптимизм. В искусство — это скользкий путь. Оптимизм легко поменяется суррогатом. Но читателя и зрителя не обманешь этим. Корни оптимизма восходят к философии Ленина и Сталина. Если на этих корнях разрешено наше искусство, оно оптимистично всегда. Закачивая свою речь, А. Толстой говорит:

— Мы, все работники искусства, должны всегда и во всех случаях держать перед нашим внутренним взором образы Ленина и Сталина, чтобы не быть в ответе перед нашим великим народом, чтобы наше искусство способствовало лучшему познанию жизни, чтобы наше искусство вызывало и радовало, чтобы вечными XVIII съезда партии большевиков были глубоко, многообразно, умно, горячо и реалистично претворены в искусстве нашего великого и бессмертного народа.

На трибуне т. Ем. Ярославский. В своем выступлении он говорит об огромном значении, которое имеет настоящая конференция, и о том, каковы задачи работников искусства, работающих над созданием образа Ленина и Сталина.

— Надо иметь в виду, что огромная масса людей, живущих в нашей стране и во всем мире, Ленина живым не видела, — говорит т. Ярославский. Он предостерегает от всякой фальши в изображении Ленина, которая опасна тем, что может создать неправоподобный образ вождя в сознании и чувствах миллионов людей. Он говорит затем, что в искусстве не показан Ленин-юноша, Тов. Ярославский подробно рассказывает о юношеских годах Ленина, о его дружбе с Горьким, непримиримом отношении Ленина к врагам, о мечтах Владимира Ильича.

Конференция заслушала обстоятельные и интересные доклады И. Альмгана «Образ Ленина в искусстве», А. Гуревича «Образ Ленина в театре и драматургии». В этих докладах были поставлены важные вопросы развития социалистического искусства. И. Траурберг сделал развернутое сообщение об образе Ленина в кино.

Очень содержательны были прения, развернувшиеся на конференции.

С рассказами о работе над образами Ленина выступили исполнители роли Ленина народный артист УССР А. Бранов, артист-орлеаносец К. Мюфке, артист Свердловского театра А. Шейн, народный артист УССР А. Бучма, исполнитель роли Сталина в пьесе «Чекисты» артист Кулашев. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине поделились М. Ф. Андреева и Н. А. Семашко.

Кроме того, на конференции выступили с речами М. Гус, заслуженный деятель искусств Н. Петров, С. Тругуб, М. Крохмаль, А. Рубин, А. Корнейчук, М. Яковлев, С. Дрейден, М. Козлов, ослепший драматург Малаев-Кубатев и Е. Наумова.

Участники конференции посетили Музей В. И. Ленина и Институт Маркса — Энгельса — Ленина, где были ознакомлены с неопубликованными письмами В. И. Ленина и слушали воспоминания о Владимире Ильиче, смотрели спектакль «Правда» А. Корнейчука в Театре революции и «Путь к победе» А. Толстого в театре им. Вахтангова.

На конференции читали отрывки из своих новых пьес о Ленине И. Сельвинский («Брежневский мир») и Н. Поголин («Кремлевские курьезы»).

По предложению М. М. Штрауха, конференция единогласно принимает приветствие товарищу Сталину.

Памятник Шота Руставели в г. Ахалцихе (Грузия). Работа скульптора Топурдзе.

СОВЕЩАНИЕ О РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

3 июня в ЦК ВЛКСМ открылось совещание, посвященное вопросам работы с молодыми писателями.

В первый день совещания выступили с речами тт. М. Азизер, Е. Долматовский, К. Симонов, А. Коваленко, И. Смеляков, А. Раскин, Л. Овалов, И. Меньшиков, И. Бауков, А. Миронов, А. Чаковский и секретарь комитета комсомола Литературного института ССР т. Джагиев.

В совещании принимают участие секретари ЦК ВЛКСМ тт. Н. Михайлов и О. Мишаков и секретарь президиума ЦСН т. А. Фалеев.

Подробный отчет о совещании будет помещен в следующем номере.

«Русский Декамерон»

ЛЕНИНГРАД (Наш мэр). Ленинградские газеты опубликовали 22 мая заметку ТАСС о приобретении Государственным литературным музеем в Москве уникального экземпляра книги «Русский Декамерон» Ю. Н. Тьянинов, сообщает ТАСС. — выдана исключительный интерес среди публики. Исследователи Ю. Н. Тьянинов, В. А. Десницкий, М. А. Павловский и С. М. Бонди пришли к выводу, что составитель «Русского Декамерона» является В. Кухельбекер, а издателем — А. С. Пушкин, скрывшийся под псевдонимом И. Ивановов.

Заметка о «Русском Декамероне» напечатана в некотором утешении. «Открытие», сделанное ТАСС о принадлежности этого произведения перу В. Кухельбекера, давно уже известно читателям ленинградских журналов В № 10 «Литературного современника» за 1938 г. в статье «В. Кухельбекер» Ю. Н. Тьянинов достаточно подробно рассказывает о Кухельбекерском «Русском Декамероне», включившем в себя поэму «Дороженька», поэмки печатаются сейчас по авторской рукописи в двухтомнике В. Кухельбекера, выходящем в «Библиотеке поэта».

Ю. Н. Тьянинов сообщил нам следующее: — Несомненно, книга, приобретенная Литературным музеем, издана при ближайшем участии и помощи Пушкина, которому была переслана рукопись, — в этом легко убедиться из записки в дневнике Кухельбекера, приведенной мной в статье, опубликованной в прошлом году «Литературного современника». Но есть ли издатель И. Ивановов — псевдоним Пушкина или это подлинное имя, или даже мелкий издатель, выполнявший поручение Пушкина, — сказать трудно. Экземпляр «Русского Декамерона» имелся в библиотеке Пушкина. Известно, что книга прошла цензуру за несколько месяцев до гибели поэта, и очевидно Пушкин не успел сообщить своему сыновьям другу о выходе в свет его произведения. Кухельбекер до конца своих дней так и не узнал, что «Русский Декамерон» напечатан.

ДОМЫСЕЛ И ВЫМЫСЕЛ

А. Виноградов известен как автор нескольких романов, в том числе и романа из жизни Стендала «Три цвета времени». Но только что появившаяся книга претендует на звание исторического труда. Поэтому ее следует обсуждать не с точки зрения богатства воображения и обилия вымысла, а с точки зрения исторической достоверности.

Первое, что поражает читателя, — это странная неопределенность, разлитая во все книги. Здесь множество дат, но хронология не ясна, последовательность событий представить себе трудно. Поступки Стендала и его замыслы необъяснимы и неожиданны. Они ошеломляют читателя, который принужден верить на слово автору, не подтверждающему свое изложение никакими ссылками.

К тому же автор поводит себя о том, чтобы сомнения не возникали. Множество диалогов и длинные рассуждения он заключает в кавычки, и читатель должен думать, что это подлинное слово Стендала или его современников.

Но это еще полбеды. Самое печальное то, что вся книга кривит странными ошибками и выдумками. Их сотни — и в биографии Стендала, и в сообщениях о других исторических лицах, и в изложении исторических событий.

Главным биографическим материалом для первых 17 лет жизни Стендала являются его мемуары «Жизнь Анри Брьюара». Если читатель слыхит со словами самого Стендала то, что пишет о нем А. Виноградов, то изумлению его не будет предела.

Виноградов утверждает, что семья матери Стендала, Ганшон, была итальянского происхождения, что и лица у Ганшонов были итальянские, даже у жены деда, доктора Гансона, которая была французской. Он утверждает, что вся культура семьи была итальянская и будто бы мальчик слушал в детстве стихи Данте и Петрарки и музыку Чимарозы, о котором он впервые услышал только в 1800 году! Между тем, новейшие исследования показывают, что крестьянская семья «Ганшонов» переселилась во Францию не позже XV века и за три или четыре столетия должна была, конечно, стать чисто французской. Тут же Виноградов говорит о «исторической мысли, всеобщности и притягательности итальянского характера» (стр. 3), словно нарочито самому Стендалу, ссылаясь на эти черты истинным свойством французского характера. Так намечается тенденция книги, пытающаяся обмануть Стендала как итальянца — и по духу, и по симпатии, и по происхождению, и даже по подлинности (о чем ниже).

Отца Бейля Виноградов возводит в должность помощника мэра (стр. 17) еще во время революции, когда Шербен Бейль находился в ссылке «явно по политическим», между тем как в действительности он стал помощником мэра только в эпоху реставрации. Затем оказывается, что Ш. Бейль скупал за бесценок земли эмигрантов (стр. 19), а разбогатев на этом и боясь реставрации, стал сторонником Наполеона (стр. 46). Все это нелепые выдумки.

Стендал на все жизнь сохранил влюбленность к первому чувству несправедливости, когда его, молодого ребенка, обвинили в покушении на убийство госпожи Шенавек. Этому он посвящает неудачную статью «Анри Брьюара». Но через столетие после его смерти Виноградов считает возможным, искажая факты, вновь повторить эту клевету, приподняв в негодную статью Стендала, и изобразить ребенка Бейля в виде сознательного убийцы (стр. 16, стр. «Брьюар», стр. 34—35).

Это все только на первых страницах. Мы пропуская целый ряд ошибок, чтобы отметить весьма важную, которую Виноградов считает, очевидно, своим достижением. После целого ряда неточностей и измышлений Виноградов, наконец, приступает к итальянскому путешествию Стендала.

Бейль едет в Италию. И здесь буквально на каждой странице — чудовищные путаницы и выдумки. Здесь рассказывается о сражении, в котором будто бы участвовал Стендал. Виноградов приводит Бейля на поле сражения при Маренго в момент боя, между тем как Бейль при сражении не присутствовал, так как в это время находился в Милане. Виноградов утверждает, что французская армия вступила в Милан после Маренго, вая в промежутке «одну за другой» несколько крепостей (стр. 30), между тем как сражение при Маренго произошло через двенадцать дней после вступления армии в Милан. История военной службы Стендала в Италии абсолютно фантастична. Автор не знает новой работы Поля Арбеа об этом

А. Виноградов. Стендал и его время. Изд-во «Советский писатель», Москва, 1938 г.

В. РЕЙЗОВ

периоде жизни Стендала и вновь повторить нелепые легенды о военной доблести и административных талантах неопытного семидесятилетнего мальчика.

Нет возможности указать хотя бы десятую часть тех ошибок и выдумок, которыми полна эта книга. Все заведомо ложные рассказы, опровергнутые Артуром Шоке, на которого ссылается Виноградов, воспроизведены здесь с преувеличенными и фантастическими подробностями. Слова Стендала непонятны и искажены. Биографические факты остались неизвестными, или же правде предочтен вымысел. Зачем было говорить неправду и называть Альберту Рубамшире «общей лавочницей Стендала и Мареста» (стр. 119)? Зачем приписывать Стендалу проведение Колумба «Путешествие в Италию и Швейцарию»? Зачем приписывать ему «Этюды о философии Канта», которых он никогда не писал (стр. 148)? Зачем называть Мерике «грозой публичных домов итальянского буварва» (стр. 139)? Каким образом австрийцы оказались «работниками», Пеймонта, Сардинии и Дофинье» (стр. 119)? Почему Лене оказывается Лилли и не учителем средней школы (professeur de rhétorique) становится профессором риторики (стр. 137)? Почему акционный чиновник Готье оказывается генералом (стр. 184)? Почему генерал Барков оказывается то купцом, то помещику Басковым (стр. 46 и 89)? Зачем возводит клевету на Мелани Гильбер (стр. 45)? Зачем вставляет слова от себя в текст Стендала (стр. 113, 145)? Зачем утверждает, что Стендал знал греческий, немецкий и испанский языки, которых он не знал?

Остановимся на двух самых важных ошибках (или изобретениях) Виноградова. Одна из них была восхитительна: рецензия Виноградова Александру Делье — ученике Стендала в авогоре Моро. В автобиографической заметке 1837 года Стендал пишет, что его друг Матье Волкер его «вечное врозье авогора в полку генерала Моро». Виноградов утверждает, что до сих пор биографы не обратили на это внимания, а А. Делье верит этому. Однако об этом писал еще Шоке, хорошо известный Виноградову (стр. 77). Шоке справедливо сомневается в истинности этого сообщения, так как нигде больше Бейль об этом не говорит, а жизнь его в 1804 году известна нам день за днем. Но допустим, что Стендал участвовал в каком-то мелком заговоре, нам неизвестном. Моро был республиканец. На том основании, что Моро получил предложение от Кадулау действовать совместно, Виноградов утверждает, что Стендал участвовал именно в заговоре Кадулау, задуманном убийцей Наполеона и наследом престолу Бурбонам. Таким образом, Стендал на республиканца превращается, волею Виноградова, в монархиста-террориста!

Столь же нелепо утверждение о том, что Стендал состоял в тайном обществе итальянских карбонариев, только на том основании, что он много ездил по Италии и несколько писем подписал именем Деменико, так же распространенным в Италии, как в России имя Иван. Но сам же Стендал в цитируемых Виноградовым заметках писал о себе: «Злоба и позорность этого общества заставили его отказаться от участия в заговоре и ограничиться словами к друзьям: «Рассчитывайте на меня при случае» («Анри Брьюар», стр. 383). Что же касается вызова Стендала в миланскую полицию в 1821 году, то это чистая выдумка (стр. 131). Да и вывел Стендал из Милана по собственной воле, осуществляя давно задуманное решение, а не по предписанию полиции.

О творчестве Стендала Виноградов не говорит почти ничего, но то, что сказано, исполнено самых страшных ошибок. Ему приписываются сочинения, которых он никогда не писал, общезвестные прозвища делятся излагаются неточно, и это свидетельствует, что некоторых из них автор совсем не читал, другие позабыл. Так, сообщается, что в «Записках турнских» рассказ ведется от четырех разных лиц (стр. 201), что Фабрицио («Пармское монашество») приводит в торжестве «мелкая семейная интрига» (стр. 203), что Люсьен Сежен хочет ехать в Мадрид (стр. 204), что Ж. Сорель («Красное и черное») совершает тайную поездку в Рим, между тем как он едет к Веллингтону в Лондон (стр. 169), родосице де Реналь, провинциальный аристократ, оказывается буржуа (стр. 169), все процесс Берте представляется в жестоком искажении (стр. 162), роман «Красное и черное» назван «Хроника 1830 года», между тем как на фотографии титульного листа, здесь же приложенной, стоит «Хроника XIX века»

(стр. 166). «История живописи в Италии», оказывается, была написана на берегу Немана, где Стендал никогда не останавливался (стр. 63). Почему-то высказываются предположения, что Стендалу принадлежат некоторые пафлеты Курье (стр. 136), смерть которого объясняется политическими причинами (стр. 152). Исконный идеал «Расина и Шекспира», в кавычках приведенные слова Стендала, которых он не писал, ему навязана теория гротеска, выдвинута Гого, и рассуждения о катарсисе (стр. 143).

Из множества ошибок и выдумок отметим еще только одну: Виноградов сообщает нам, будто Стендал, написав «Люсьена Левена», зашифровал всю рукопись и спрятал ее под половицу (стр. 189). Затем сообщается, что секретарь Стендала тщетно пытался прочесть ее при помощи зеркала. Это ли не геркулесовы столбы изобретательства? В романе этом свыше 36 листов. Чтобы зашифровать его, понадобилось бы около миллиона цифр, целое штате секретарей. Неужели эти мысли не оставили фантазии автора? Наконец, Семидаль — это совсем не зашифрованный, а расшифрованный с помощью ключа даже продиктованы писцу, остальные написаны собственноручно, только несколько слов сокращено или слог в них переставлены. Зачем было выдумывать? Обо всем этом Виноградов мог бы найти подробные сведения и во французских изданиях, и в русском, которое он называет одним из лучших в мировой литературе (стр. 245). Но раскрыл ли он его? Раскрывал ли его ответственный редактор книги и цензурщик ее А. Делье, восхищающийся и издавший, и Виноградовым одновременно?

Уго Фосколо, по сообщению Виноградова, с 1797 года французским правительством был объявлен вне закона, голова его была оценена, и он скрывался во все время правления Наполеона (стр. 34). Между тем нам известно, что величайший поэт Италии этой эпохи — Уго Фосколо еще в первые годы XIX века был профессором в Милане, столице наполеоновской Италии, читал лекции, печатал стихи, пытался убедить Наполеона вступить на путь либеральной политики в Италии и бежал только в 1810 году.

Что же касается дат, то здесь полный произвол. Первое слово книги — ошибка (дата бракосочетания родителей Вейла). Даты появления произведений Стендала, путешествий его, работы над романами совершенно произвольны.

Любопытно, что даты исправлены в приложенной биографической кавке (стр. 225—239). Это и понятно, так как источником для кавки послужила работа Р. Мартино «Итнерарий Стендала», в библиографии Виноградова не указанная. Удивительно, что даты, данные здесь, не соответствуют датам, указанным в тексте.

С подписью «Стендал около 1800 года» (стр. 8—9) читатель преподносится портрет неизвестного лица. Тридцать пять собственных имен искожено иногда до неузнаваемости, не говоря о названиях произведений.

У меня отмечено около трехсот ошибок, из которых я привел только некоторые. Продолжать было бы бессмысленно. Не зная, чему больше изумляться: необычайной неосведомленности или «заоблачности» автора. Я имею в виду только фактические ошибки, которые не подлежат сомнению, так как говорить об отвлечениях, об интерпретации событий при таком обилии вымысла невозможно.

Однако это искажение фактов приводит к неожиданным и печальным результатам. Заподозрив Стендала в заговоре в пользу Моро, Виноградов сделал его участником заговора Кадулау, то-есть сделал его монархистом-террористом. Нелепость этого возмущает пошатну. Он сделал Уго Фосколо, сторонника французских, сражавшегося при Третьей империи французского правительства в Италии уже с 1797 года, Виноградов описывает ослепление итальянской молодежи, которая боролась с папским и австрийским деспотизмом и становилась восторженно французской. «Но опытный Венецианец», пишет он, — «в 1800 г. в послужившую модель» она продолжала охотно зачисляться в батальоны и полки Наполеона, давая ежегодно от тридцати и до пятидесяти тысяч молодых солдат» (стр. 34). Виноградов говорит о «выкраденных» в Италию картинах (стр. 27), он всецело доказывает, что политика французской в Италии была вредна для этой страны, между тем как именно наполеоновская власть пробудила живые революционные силы страны и дала политическое воспитание массам, залаянным австрийским режимом. С необычайным легкомыслием Виноградов говорит об итальянской культуре в семье Ганшонов, типичнейших французских XVIII века. Он неправильно толкует отношение Стендала к Наполеону. Наполеон для Стендала был не только деспотом, подавившим революцию, но и единственной силой, спасшей хотя бы некоторые завоевания революции от феодальной коалиции королей и пап. Тем более ясно он понимал значение Наполеона и французской для Италии. Наконец, Виноградов выдумывает историю о переходе Стендала в итальянское, то-есть австрийское, подданство и об отречении его от Франции. Оказывается, что Стендал, отрешившись от горячо любимой родины, сознательно стал подданным Австрии. Он делает Стендала таким итальянцем, каким он никогда не был, при всех его симпатии к некоторым особенностям итальянского народа. Француз и космополит Стендал делается итальянцем по рождению и духу и австрийцем по подданству! Слелая Стендала монархистом-террористом, Виноградов теперь делает его политическим врагом своей родины, перешедшим в итальянско-австрийское подданство. Таков абсурдный вывод из всего этого нагромождения ошибок и вымыслов. Это ли не фальсификация истории?

Фабула рассказа В. Ланина очень напоминает фавулу «Тамани». Тем не менее этот рассказ не кажется нам подражанием Лермонтову, ибо у В. Ланина есть свое настроение, своя тональность. Фабула рассказа П. Атарова не похожа на «Понича», тем не менее рассказ воспринимается как подражание Чехову — подражание, зареятое обреченное. Происходит это потому, что у А. Атарова в рассказе есть анахронизм настроения, который в искусстве является самым пагубным видом анахронизма. Описывает Атаров судьбу своего героя, доктора Дробышева в наши дни, а настроение в рассказе кажется потонувшим из другой эпохи — из той эпохи, когда рассказ о докторе Старцеве, посвященном прозвищу Понича, был рассказом о текущей действительности.

После «Календаря русской природы» мы вправе требовать от В. Атарова вешей, сделанных с большей силой — и главное — с более ясным чувством времени.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РЕЖИССЕРОВ

С 13 по 20 июня Комитет по делам искусств при СНК СССР проводит совместно с ВТО всесоюзную конференцию режиссеров. На пленарных заседаниях конференции будут заслушаны доклады: «О творческих задачах советского театра», «Роль и место режиссера в театре» (доклад народного артиста СССР В. И. Мировича-Данченко), «О творческом воспитании актерского коллектива» (доклад заслуженного деятеля искусства А. Д. Попова) и «Театр и драматургия».

Литературная газета

№ 31

А. РОСКИН

Пять рассказов

Апрельская книга «Красной нови» принесла нам начало стихотворной повести А. Везьменского «Петербургский кузнец» и конец романа М. Левидова о Свинфе. О новом произведении А. Везьменского высказываются преждевременно. Что же касается Левидовского Свинфа, то этот умный и темпераментный, хотя и слишком обильный словами роман заслуживает, конечно, особой и обстоятельной критики. Таким образом, на долю обозревателя журнала остаются преимущественно рассказы. В счастье, их в журнале целых пять — и каждый из них возбуждает у критика желание сказать о нем хотя бы несколько слов.

Наиболее удачным кажется нам рассказ Льва Славина «Дело под Картамашевым». Одним большим русским писателем было как-то замечено, что беллетристика должна заботиться не повизна фавулы, а повизна сюжета. Вероятно, этот писатель был по своему совершенно прав. Но рассказ Славина еще раз напоминает о том, что никакие заставившие правил и гарантийных репештов в искусстве не существуют: в «Деле под Картамашевым» нов не сюжет, а фавула — и тем не менее рассказ хорош.

Сюжет, избранный Славным, в самом деле не нов. Рассказ возвращает нас к 1916 году, к страшным будням окопного существования. Перед нами образы, которые мы не раз уже встречали в рассказах и повестях об империалистической войне: генералы, преступно бросающие свои дивизии в бессмысленные атаки только ради того, чтобы, донеся о «диком деле», получить новое, более соответствующее их служебным склонностям штабное назначение, молодые прапорщики, чья трудность умеривается только отсутствием воображения: «...не ходивши никогда в атаку, он не представлял себе, что она такова»; нагло обращающие солдат фельд-

фебели и капитанармусы; и наконец — сами солдаты, живущие мечтой о мире, но в часы боя проявляющие поразительное бесстрашие.

Обратившись к этому непочтеному сюжету, Славин написал рассказ, читающийся не только с большим интересом, но и с настоящим волнением. И причина этого интереса и волнения — не столько в внимательной и остро разработанной фавуле, сколько в верных наблюдениях над людьми, хорошо выражающих писательскую личность. Героев рассказа — рядового Тихона, вольноопределяющегося Соломонова, прапорщика Врублевского вы легко запомните, ибо, опущая их принадлежавшие жизни, вы в то же время опущаете их принадлежавшие писателю Славину.

У Байрона в посвящении к «Дон-Жуану» есть такие строки: «С гнездом живых дроздов в печеном тесте; Пирог разрезан, птички стали летать». (Из старой песни меткое сравнение).

В этих строках, в сущности, дана великолепная формула литературного творчества. Залача стала в широком смысле слова — донести до читателя жизненную правду по возможности ясной и незамученной. Стиль должен охранять правду. Дрозды должны оставаться живыми.

По этому поводу нам могут грозно возразить, что мы примитивно отделили форму от содержания. Да нет же: мы говорим не о прозах и тесте, а о дроздах в тесте. Кроме того, как бы грозно нам ни возражали, все-таки никому не хочется набивать рот сырым тестом и, наоборот, всякому хочется послушать пение живых дроздов. В рассказе Славина тесте опеченно хорошо, но дрозды остались живыми. Вы угадываете работу стилиста, но чувствуете, как эта работа помогает вам услышать живой повест жизни.

Следует упрекнуть Славина только в том, что в конце он неизвестно куда очень затворился, и финал рассказа о трагической судьбе героя-солдата Тихона превратился в бегло рассказанный случай. Это вызывает чувство досады.

И в рассказе В. Ланина «В нескольких шагах от реки» дрозды оказались живыми. Это краткое повествование о юношеской любви написано просто, искренно и с хорошей сдержанностью.

Автор таких превосходных путевых книг как «Повесть о стране Памир» и «Тихоокеанский дневник», автор «Повнига» — повести, в которой было много искусной выдумки, Борис Ланин в последние годы как-то потусквел, в его писанине заметнее стали проступать усилия озачиненного стилиста литератора, чем вдохновение художника. Вот почему появление нового рассказа В. Ланина особенно радует. В нем, так же как и в соседнем рассказе Славина, мы вновь видим автора с его живым восприятием жизни, а не только писателя, твердо налегающего на определенные приемы мастерства.

Иное отношение вызывает к себе рассказ Валентина Коженикова — «Мастер Чибрев». Отнюдь нельзя сказать, что он плохо написан. Наоборот, читаешь его и незвольно думаешь о том, как в сущности незаметно, по аккомпанементу привычных разговоров о недостатке мастерства у наших литераторов поднялся средний уровень этого самого мастерства. Сравните апрельский номер «Красной нови» от 1939 года с любым апрельским номером самого лучшего журнального толстого журнала: вы тотчас замечаете, насколько выше наша «средняя» журнальная проза оригинальностью образов, отдалкой фразы, сказатостью выражений.

Вот как высказывает В. Кожеников пейзаж с высты:

«С трупы можно было видеть облака в

профиль... Запах сырости туч кончился сюда. Тучи нашли погребом».

Можно быть уверенным, что соответствующее описание, извлеченное из какого-нибудь рассказа в «Вестнике Европы» или «Современном мире», было бы, конечно, более ясным и банальным. Но в том-то и дело, что в этой самой умелости, в этом стремлении все описывать обязательно с «нажимом», с обязательной оригинальной выразительностью есть своя опасность, свой пафос — и притом очень опасный для подлинной поэзии. В стилистической эманатности таких рассказов, как «Мастер Чибрев», есть нечто чрезмерно старательное, напряженное. Хочется сосредоточить внимание на людях и событиях, избранных Кожениковым, а вместо этого вы начинаете оценивать эстетическую работу писателя, а не людей Коженикова взял интереснее.

Но отвлечение внимания — еще с полбеды. Хуже то, что стилистический нажим, замена естественных и необходимых «чужих слов» совсем неестественными и ненужными «спазмами стилиа» приводит к фальши, к искажению человеческого чувства. «Хорошо поставленная» фраза уводит Коженикова от простых и верных слов, которые надо сказать ему о своих героях. В рассказе — слишком мало от художника, описывающего жизнь, и слишком много от литератора, делающего вещь.

Между тем, уже и по одному этому рассказу можно говорить о В. Коженикове, как о способном беллетристе. Рассказ с мелкой, чисто «литературной» наблюдательностью — наблюдательность подлинная, идущая от интереса к жизни. Рядом с ложными диалогами — отдельные реплики, в которых заключена живая, верно схваченная интонация. Все это дает основание ждать в будущем от В. Коженикова — автора еще начинающего — произведений, более свободных от мелкой типичной узко понятой «художественности», от напряжения, привносящего в конце концов к хриплости тона или к вовсе неслышному шопоту.

Этого рода напряженности нет в «Рассказе о песне и письменах» Эм. Миллана. Наоборот, он написан в той сдержан-

ной манере «закругленной мудрости», которая становится излюбленной иним нашими писателями, когда они берутся за описание «людей, близких к природе» — обитателей наших окраин. Да, манера эта благородна, в ней нет ничего, корябляющего ваш вкус, но в ней нет и ничего того, что может запасть вам прямо в сердце.

И наконец, рассказ П. Атарова «Араукарка».

Напечатанный в одном из прошлогодних номеров «Красной нови» рассказ П. Атарова «Календар русской природы» порадовал нас своей внимательностью к жизни.

К сожалению, новый рассказ П. Атарова «Араукарка» значительно уступает по своим достоинствам «Календару русской природы». Восхождение человеческих характеров заменяется описанием «условий человеческого существования», перед нами подробности быта, наблюдения почасово и правильно, но не слагающиеся в одну органическую картину жизни.

Клуб «Молоди»

Мы бсталились у стены большого старого дома. Окра в доме было открыто, и за одним из них слышался шум и голоса.

— Нет, товарищи, так я не могу, — кто-то с силой захлопнул крышку парты, видимо, вставая. — Вы убиваете во мне желание писать. Я брошу, чорт с вами, но мое молчание останется на вашей совести.

— Врешь, не бросишь. А бросишь — стало быть ты не поэт, а тряпка, куда тебе и дорога. Что ты мне за стихи принес вчера? Бред! Ни мысли, ни рифмы порядочной. Барабанная трескотня, Отадно. А ведь талантливый человек.

— А ты зачем их напечатал?

— Нечего было больше.

— Да еще и примечание написал к стихам, — внезапно отозвался новый голос. — Плохие, мол, стихи, никакие негодные. Печатаем же в стенгазете больше для влияния на автора.

— Ах, так, — сказал опять первый, обиженный голос. — С примечанием? На совет? Вот вам, товарищи, мое стило и можете писать сами.

И возмущенный поэт, лихо выпрыгнув в окно, скрылся в кустах окрестных.

— Видели? — обратился ко мне мой спутник — учитель молодинской школы Я. Горелик. — Вот это наш актив. Оскорбленная поэзия удалась ловить карасей. Зато критика представлена полностью.

Из окна торчали три головы.

Так началось наше знакомство с литературной жизнью сельской десятилетия в селе Молоди, Польшского района.

Старый помещицкий дом, в котором располагалась теперь школа, когда-то принадлежал декабристской семье Востужевых, семье революционеров и патриотов. Сохранилось предание, что в 1812 году отряд наполеоновской армии, вошедший в село, нашел двери этого дома заваленными старой мебелью и сундуками, был встречен огнем и только штурмом взял старую усадьбу. Дом был сожжен, защитники его — перебиты. На их могилы французские солдаты поставили памятник с надписью: «Храбрым от храбрых».

Но, как молодой лес на вырубленном или погорелом месте поднимается неудержимо и молодо, так выросла вновь на пожарище восстановленная усадьба. С тех пор она получила старое русское прозвище «Молоди» — имя молодого растущего леса.

В этом году молодые товарищи организовали в школе литературный клуб, и на вечера в школе и колхозном клубе стали приходить старые колхозники, школьная молодежь, учителя. Литературные собрания, 150—200 человек, стали обычными на селе явлением. Так, прошли вечера Пушкина, Лермонтова, Шевченко, современной поэзии. Литературные странички районной газеты оживились и пополнились новыми именами. 16-летний Володя Чертов стал писать стихи. Критические статьи Володи Шитникова и Гриши Пархомчикова с интересом читаются в школе. «Хоры» и «отлично» по литературе замелькали в школьном журнале. Были выпущены тетради и альбомы со своими первыми опытами. Редакция стенной школьной газеты стала получать бесчисленное число стихов, очерков и фельетонов.

Поговорив с товарищами — Н. Дарским, Л. Ремезовым, учителем-комсомолец Я. Гореликом и поэтессой с просьбой посетить первые вечера клуба. В этом году клуб провел 9 вечеров с участием москвичей.

Писатель Д. Джерманетто читал рассказы, говорил об Италии, о борьбе с фашизмом. Он внимательно познакомился с творчеством молодых писателей района и позднее выступил со статьей о них в газете «Полесьский рабочий».

Тепло прошли встречи клуба с Вейландом Родом, с поэтами С. Смирновым и Г. Померанцевым, с литературным активом «Огонька» и Дома учителя.

Прекрасное начало. Жаль только, что организаторы клуба — педагоги и ребята старших классов — мало глядят по сторонам. Совсем рядом — имени Чертова, в котором жил Лев Толстой: на руках у местных крестьян (деревня Ивняно) сохранились письма Л. Толстого. В деревне Ботанино живут прототипы героев Льва Николаевича.

Недалеко — Мелихово — чеховское имение, где бродит живые чеховские знакомцы, сохранившие в памяти много драгоценного для биографии писателя. В Мещерском сохранилось знаменитое здание палаты № 6.

Надо бы организовать сбор, охрану, описание огромного количества окружающих «Молоди» литературно-исторических материалов, документов, вещей.

Но пришла нам пора уезжать. В парке, недалеко от завораживающей в шоссе тропинки, снова послышались знакомые голоса. Старый учитель Н. Дарский разговаривал с учениками.

— Дальше, Николай Васильевич, дальше...

— Все, — ответил веселый, чуть дребезжащий голос.

— Еще что-нибудь... про Толстого... Вы же его знали...

За лесом загремел паровоз. Мы торопились. Голоса продолжали звучать где-то сзади, удаляясь, становясь все тише.

Литературный клуб продолжал свою работу.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ.

Декада киргизского искусства в Москве. На снимке: участники заключительного концерта — ансамбль артистов Ошского театра — на репетиции в Большом театре СССР.

Декада киргизского искусства в Москве. На снимке: участники заключительного концерта — ансамбль артистов Ошского театра — на репетиции в Большом театре СССР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ССП ТУРКМЕНИИ

АШХАБАД. (От наш. корр.). На состоявшемся на днях собрании в составе писателей Туркмении приняты в члены ССП писатели: Мур-Мурат Сарыханов и Караджа Бурунов. Сарыханов известен в туркменской литературе своими рассказами о Красной Армии, Караджа Бурунов принадлежит к старшему поколению литераторов Туркмении. В последние годы он много и плодотворно работал над переводом пьес для Туркменского государственного театра. Бурунов перевел на туркменский язык 27 драматургических произведений, среди них: «Прометей» Эсхила, «Ревизор» Гоголя, «Каменный гость» Пушкина, «Любовь Яровая» К. Тренева и др.

Переведены из кандидатов в члены ССП писатели: Монтоп, автор повести «Гулялек» и пьесы «Расквашенные глаза», и Тоушан Эсенова — автор комедии «Дочь миллионера», поставленной ашхабадским русским театром драмы.

На том же собрании проведены выборы в оргбюро ССП Туркмении. Тайным голосованием в новый состав бюро избраны писатели: Бемал Ипанов, Дурды Агаммедов, Агахан Дурды, Джан Мурат Монтоп и Юзма Нурбердыев.

«НА РУБЕЖЕ»

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). В Хабаровске после полуторазначного перерыва возобновилось издание единственного на Дальнем Востоке литературно-художественного журнала «На рубеже» — органа дальневосточного отделения союза писателей. Журнал объединяет поэтов и прозаиков Хабаровского и Приморского краев, а также печатает произведения московских и ленинградских писателей, пишущих на Дальнем Востоке.

Кроме того, в журнале печатаются статьи по истории Дальнего Востока, статьи о перипетиях освоения Дальнего Востока в третьей пятлетке и т. д.

В вышедшей недавно 1-й книге журнала напечатаны дальневосточные рассказы С. Диковского, начало повести А. Фетисова «Китобон», повесть Н. Рогова «Встреча», «Камчатские сказки» Т. Борисова, очерк А. Никитина «В долине Сандгауэ», стихи П. Комарова, В. Афанасьева, А. Гая, А. Артемова и Н. Ильохина.

В отделе «О прошлом Дальневосточного края» напечатаны очерки Н. Рябова об амурском походе Полякова и открытии Невельского, статья А. Степанова «Пржевальский на Дальнем Востоке».

В отделе «Литература и жизнь» помещена интересная статья о перешнике М. Горького с дальневосточниками, библиография и литературный календарь.

Возобновление издания журнала «На рубеже» — большое событие в литературной жизни Дальнего Востока.

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Майская сессия отделения литературы

На днях закончилась майская сессия отделения литературы и языка Академии наук СССР.

Крупнейшим вопросом на сессии был доклад академика А. С. Орлова об издании академического словаря современного русского литературного языка.

Словарь этот, — заявил докладчик, — резко отличается от дооктябрьского типа академического литературного словаря, автором которого был академик А. А. Шахматов. Согласно директивам академии, новый словарь должен быть одновременно словарем нормативным, толковым, историческим и удовлетворять также справочным целям. Все издание запроецировано в 15 томов, объемом в 50—70 листов каждый. Первый том уже подготовлен в двух вариантах, разнящихся друг от друга количеством приводимых цитат из художественной литературы.

Редакционная коллегия словаря стоит перед дилеммой — приводить ли литературные цитаты и рисковать выйти за пределы запроецированного объема, или отказаться от цитат и тем самым понизить читабельность словаря.

В прениях по докладу академика А. С. Орлова было внесено много конкретных предложений и указаний.

С принципиальными возражениями выступил универсального характера словаря выступил Н. Л. Мещеряков и Д. Н. Ушаков.

Н. Л. Мещеряков заявил, что сейчас нужен не словарь универсального типа, а комбинированная система словарей, которая удовлетворила бы растущий разнообразный спрос в стране, начиная от потребности учащегося средней школы и кончая интересом высококвалифицированного специалиста. Нужен в первую очередь массовый словарь, а также ряд вспомогательных словарей — орфографический словарь, словарь синонимов, фразеологический словарь и т. д.

Проф. Д. Н. Ушаков считает более правильным прежний тип академического словаря, использующего богатейшую картотеку Академии наук.

Сессия постановила считать работу по словарю особо важной. Решено пересмотреть состав редакционной коллегии.

Далее, сессия заслушала и обсудила доклад о подготовке юбилей Низами. При этом необходимым создать при Академии наук комиссию по подготовке юбилей Низами и в 1941 году созвать посвященную Низами юбилейную сессию Академии наук СССР в Баку.

В заключение сессия заслушала два научных доклада — С. А. Богуславского «О повести временных лет» и академика М. Покровского «Римская сатра», с. и.

«День Горького»

18 июля исполняется третья годовщина со дня смерти А. М. Горького. В этот день Центральные парк культуры и отдыха им. Горького совместно с союзом писателей проводят в парке «День Горького».

С утра в парк придут школьники. Они прослушают доклад «Жизнь и творчество А. М. Горького». Писатели расскажут юным читателям о встречах с А. М. Горьким. Работники искусства прочитают отрывки из произведений великого русского писателя. В драматическом театре парка самодельные художественные коллективы покажут отрывки из постановок пьес Горького. В кинотеатре после встречи с мастерами кино ребята посмотрят фильм по горьковским произведениям.

На массовом поле — показ детской художественной самостоятельности и конкурсы кнуж чтецов — исполнителей произведений Горького.

Вечером в Зеленом театре состоится торжественное заседание совета советских писателей и Академии наук СССР, посвященное третьей годовщине со дня смерти А. М. Горького. Торжественное заседание будет транслироваться по радио.

В култьбазе парка трудящиеся столицы встретятся с художниками, писателями, композиторами, работающими над горьковской тематикой. В Интернациональной базе после доклада «Горький — борец против фашизма» и «войны» выступят иностранные революционные писатели.

ИЗВЕЩЕНИЕ

8 июня клуб писателей организует для членов союза советских писателей экскурсию на территорию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Совместно с руководителем Выставочного комитета будут осмотрены 7 выставочных бор к 1 ч. дня в клубе.

Проезд специальными автобусами.

Запись производится у дежурного секретаря клуба по тел. Д-2-14-04, с 11 ч. утра до 11 ч. вечера ежедневно.

Дирекция.

В МИРЕ КНИГ

ОПАЛЬНАЯ КНИГА О КАВКАЗЕ ВРЕМЕН ЛЕРМОНТОВА

«Проделки на Кавказе» — под таким невинным названием была повесть издана в 1844 г., в С.-Петербурге, в типографии Жерякова.

Книга эта, однако, в свое время наделала много шума. Ее цензора, почетного профессора Московского университета Крылова, приказано было доставить «для объяснения» в Петербург «с солдатом», а самому книгу у книгопродавцев изъять и уничтожить.

«Проделки на Кавказе» рассказывают о жизни в одной из кубанских станиц, (т. е. на передовых постах тогдашней военной линии на Кавказе) капитана Александра Пустогородова, по политическому делу разжалованного из солдата и сосланного на Кавказ.

В живом и интересном изложении повесть раскрывает действительные причины затяжной и жестокой войны с горцами и разоблачает бездарную «головку» тогдашнего военного командования на Кавказе: Е. А. Головина, ген. П. Х. Граббе, известного головореза «шайтана» ген. Засс, П. Е. Кошебу, выведенного в повести под именем ген. Мешкибеу, и т. д.

В повести, между прочим, упоминается о веселом майоре Лыбе (брат А. С. Пушкина).

Естественно, что николаевская жандармерия исполосилась, узнав про эту книгу. Военный министр Чернышев, прочитав повесть, сказал начальнику III отделения Дубову: «Книга эта тем вреднее, что в ней что ни строка, то правда».

Льбошнынее всего, что автор повести, скрывшийся под псевдонимом Е. Хамар-Давошов — женщина, Екатерина Петровна Лачинова, урожденная Шалашинова, жена Н. Е. Лачинова, занимавшего видное военное положение на Кавказе. (Отсюда, очевидно, и большая осведомленность автора).

Е. Лачинова писала книгу вместе с братом мужем Влад. Е. Лачиновым, который был сослан на Кавказ в связи с делом декабристов.

Об этой интересной книге следовало бы сейчас вспомнить, а возможно и переиздать ее.

Б. М.

СРЕДИ СТАРЫХ РУКОПИСЕЙ

В книгохранительнице библиотеки Малого театра собрано около 8.000 уникальных экземпляров пьес, шедших в театр со дня его основания.

Особый интерес представляет экземпляр рукописи комедии А. Островского «Красавец-мужчина». Последний акт дописан Островским собственноручно. В хранилище имеется экземпляр пьесы Шенка «Две гонимые по одному следу или письма невидимки». Его для бенефиса Шумского переписала девятилетняя дочь суфлера — Мария Ермолова, гордость русской сцены.

На титульном листе пьесы А. Островского «В чужом пиру похмелье» имеется надпись драматурга: «Предоставляю сию пьесу Прову Михайловичу Садовскому для его бенефиса».

В рукописи карандашом сделаны добавления, внесенные Островским.

Знаменитый актер екатерининской эпохи Волков — основоположник русского театра — во время поездки в Париж перевел и переписал там одноактную пьесу Мольера «Жеманница». Она была переписана Волковым в двух экземплярах. Один из них хранится в театре «Комеди франсез», другой — под названием «Желание щеголихи» — в книгохранительнице Малого театра.

Большую ценность представляет также первый оцененный экземпляр пьесы Гоголя «Ревизор» от 1836 года, на титульном листе которого имеются подустерженные фамилии первого состава исполнителей этой пьесы.

В библиотеку от актеров театра поступают ценные рукописи пьес и книги. Заслуженная артистка Шагрова недавно подарила книгохранительнице рукописный экземпляр пьесы Шекспира «Король Ричард III», переписанный и составленный для сцены Мариусом Петна. Артист иллюстрировал его карандашными портретами героев пьесы, миниатюрами, схемами.

В библиотеке имеются пьесы В. Немировича-Данченко с личными надписями драматурга.

Лермонтовские сборники

Ученый совет Института мировой литературы имени А. М. Горького одобрил к печати подготовленный лермонтовской группой института сборник статей о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова.

Лермонтовский сборник является более чем годичной коллективной научно-исследовательской работы. Он содержит новые, впервые опубликованные данные и освещает творчество и личности поэта.

Значительно шире и определеннее по сравнению с прежней лермонтоведческой литературой поставлен в сборнике вопрос о месте и значении Лермонтова в классическом реализме, о его эволюции через романтизм к реализму.

Статья К. Ломунова «Сценическая история «Маскарада», помещенная в этом сборнике, построена на неопубликованных большей частью архивных материалах.

Н. Бродский поставил перед Ученым советом Института вопрос о необходимости приступить к подготовке второго лермонтовского сборника. Этот сборник должен осветить ряд не освещенных еще в лермонтоведении проблем — Лермонтов и фольклор, литературный портрет у Лермонтова, ритмы и рифмы Лермонтова, пейзажи в его произведениях, Лермонтов-драматург и др.

Ученый совет постановил сохранить лермонтовскую группу и поручить ей подготовку второго лермонтовского сборника к столетию смерти поэта, в январе 1941 года.

Письмо в редакцию

Советский народ горячо любит и чтит великого поэта-гражданина Николая Александровича Некрасова и в январе 1935 года отмечал 60-летие со дня смерти великого русского поэта.

В связи с этим событием президиум ленинградского совета РК и КД в январе 1935 года постановил: «в ознаменование 60-летия со дня смерти русского поэта Н. А. Некрасова... освободить от жилищных и перебраться в Ленинград в доме на углу проспекта Волосарского и улицы Некрасова» для устройства в ней музея Некрасова».

Сообщение об этом решении президиума Ленсовета трудящихся Ленинграда встретили с удовлетворением.

Но вот прошел месяц. Постановление не выполнено. Жильцы продолжали жить в том же доме.

После двоек второе постановление президиума Ленсовета об освобождении бывшей квартиры Н. А. Некрасова.

Президиум Ленсовета избрал председателем Кувшиновского, Державинского, Выборского и Смольнинского районов РК и КД предоставить жильцам бывшей квартиры Некрасова жилищплощадь.

Президиум предупредил председателей райсоветов о том, чтобы переселение было произведено до 1 марта 1938 года.

Но жильцы продолжают жить, как и жили до сих пор. И... 29 апреля 1938 года последовало уже не постановление, а распоряжение председателя Ленсовета № 49, обязывающее председателей райсоветов под личную ответственность в 15-дневный срок закончить переселение из бывшей квартиры Некрасова.

С тех пор прошло не 15 дней, а больше года... и до сих пор в бывшей квартире Н. А. Некрасова жильцы продолжают жить.

После этого никому уже неизвестны ни другие постановления, ни дальнейшие намерения президиума Ленсовета. Крайне желательно, однако, чтобы президиум Ленсовета, наконец, потребовал ответственности за выполнение своих постановлений, а Академия наук СССР — провела бы настоящую настойчивость по организации музея Некрасова.

Хочется посоветовать и ленинградскому отделению союза советских писателей хотя бы несколько потревожиться о создании музея.

4 декабря — дата рождения Николая Александровича.

К этой дате музей должен быть создан.

Н. РИБКОВСКИЙ.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

АЗЕРБАЙДЖАН

Поэты Гурин, Гурьян и Ашот Гриши закончили перевод пьесы Самела Вургуна «Вагиф» на русский и армянский языки. Пьеса будет поставлена в азербайджанских театрах русской и армянской драмы. («Бакинские рабочие»).

ГРУЗИЯ

Издательство «Заря Востока» начало выпускать «Библиотеку грузинской художественной литературы». Библиотечка хорошо оформлена, издается массовым тиражом, объемом до 3 печатных листов в каждой книге. Первой в серии вышла книга рассказов грузинской литературы И. Чачвадзе: «Сцены из времен освобождения крестьян» и «Никола Госташвили». Печатаются и в ближайшее время выйдут следующие книжки: Д. Чоквадзе «Сурамская крепость», А. Кабаки «Цикло», А. Церетели «Маленькие рассказы» и др. («Заря Востока»).

ДАГЕСТАН

В Махач-Кала в театре им. Горького состоялось торжественное заседание памяти Сулеймана Стальского. На заседании присутствовали рабочие, служащие, писатели и поэты, представители братских республик — Грузия, Азербайджан, Армения, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия. С докладом о жизни и деятельности народного поэта выступил т. Кацвер. С воспоминаниями об отце выступил сын поэта, депутат Верховного Совета РСФСР поэт Мусаиб Стальский («Дагестанская правда»).

КАЗАХСТАН

Литературный сектор Казахстаского филиала Академии наук СССР собрал народные песни о восстании 1916 г. Священные четверти этих песен посвящено Амангелды. В народных песнях и поемах разоблачается зверства колониальных властей и судей, преступления ашародических бандитов. («Казахстанская правда»).

Новое издание малой серии «Библиотеки поэта»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» заканчивает в этом году первое издание малой серии «Библиотеки поэта», возникшей, как известно, по инициативе А. М. Горького. Всего первое издание включает 60 книжек (особенно выйдут последние выпуски серии: В. Маяковский, Э. Вагрикский и С. Есенин).

В настоящее время издательство приступило к выпуску второго издания малой серии «Библиотеки поэта».

— Новое издание значительно расширено и дополнено, оно будет состоять из 100 томов и охватит русскую поэзию, начиная с древнейшего памятника нашей литературы — «Слова о полку Игореве».

Более полно будет представлена поэзия XVIII века, в частности, в серию включены отсутствовавшие в первом издании Радичев, Кайнст, Богданович, Херасков, Дмитриев. В план серии введена и стихотворная пьеса, представленная гениальной комедией Гребоедова «Горе от ума», драматургией Шаховского, Хмельницкого, Озерова, княжнина. Расширен и раздел, посвященный поэтам-декабристам.

Кроме того, в серию войдут сборники, объединяющие менее значительных поэтов, творчество которых, однако, позволяет шире и исторически правдивее представить развитие русской поэзии. Во втором издании малой серии войдут и 7—8 книг народной поэзии, важность изучения которой неоднократно подчеркивал А. М. Горький, когда обсуждалась первоначальные планы издания «Библиотеки поэта».

Новое издание малой серии будет осуществлено в 3—4 года. Уже сланы в производство стихотворения Державина и Фета, басни Крылова. Для нового оформления серии объявлен конкурсе среди ленинградских художников.

Низами Ганджеви

Поэты всех народов Советского Союза готовятся достойно отметить в 1941 году восьмисотлетие со дня рождения великого азербайджанского классика Низами Ганджеви.

Поэт восточного ренессанса, философ, ученый, историк, Низами оставил нам в наследие бессмертную свою хамса — пятитомную. Нелегко перевести Низами, писавшего 800 лет назад свои величайшие по глубине чувств, красоте образов и изяществу рифм произведения. Но почетная задача советских поэтов, с глубочайшим уважением относящихся к памятникам искусства, — возможно полнее, богаче и тоньше передать гениальное творения великого поэта.

Об этом говорил в своем вступительном слове В. Луговской, открывший вечер Низами в Московском клубе писателей.

С большим и интересным докладом о жизни и творчестве Низами выступил азербайджанский критик М. Рафили. Он говорил о Низами, как об одном из величайших поэтов Востока, крупнейшем романтике и провозвестнике гуманизма в мировой литературе. Обрисовав эпоху, предшествовавшую появлению Низами, докладчик подробно останавливается на его биографии, известной нам лишь по отрывочным сведениям, на анализе его творчества.

Литературное наследие Низами состоит из бессмертной пятитомной — пяти поэм:

НА ВЕЧЕРЕ В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

«Сокровищница тайн», «Семь портретов красавиц», «Хорос и Ширин», «Лейли и Меджнун» и «Книга Ахисекара», а также около 20 тысяч строк лирических стихотворений. В глубь веков было затеряно почти все лирическое наследие, говорят, что оно было расхищено посредственными поэтами-современниками Низами, которые вылавливали его гениальные стихи за свои собственные. Сохранилась и немало была оубицирована лишь их небольшая часть — 2000 строк.

Низами был истинным сыном своего народа, он горячо любил свою родину и мир его поэтических образов всегда крепко и органически был связан с Азербайджаном. О чем бы он ни писал — о красавицах из семи башен или о царях Ирана, об Александре Македонском или о трудолюбивом каменотесе Фархале, неизменно из его творчества вставал нарисанный неуязвимый красками образ средневекового Азербайджана. Низами был великим гуманистом — любовью к народу, ненавистью к властелинам мира, к царственным палачам пронизаны его гениальные творения. Он бежал из двора Ширваншаха в свое скромное жилище, к существованию, полному лишениям. Он глубоко страдал от того, что вынужден был писать на архаичном персидском, официально в то время языке фарси, а не на народном тюркском языке.

«Нам не приличен тюркский язык»

Нам двор к простецким явным не приличен. Раз мы знатны и сном высоки, Высокие да сличим язык!»

Прочел я, кроме мне бросилась в лицо, Так, значит, в ухе расбоек колото! — Но как мне быть? Душа раздвоена. Мысль широка. Дорога к ней тесна. И узок мой рассказу моему. Хиреет реч, ажата в тюркму. ...И раз на волю нету мне пути, Откуда слово ценно найти? Где музыка, где вина, где медельис, Где сад, что мысли светлые зажглись. Сухой песок — пустыня, темя гор... Иной народу нужен разговор: Чтоб слово было сердцем рождено, Чтобы звенело радостью оно. — так писал Низами во вступлении к своей знаменитой поэме «Лейли и Меджнун», отрывок из которой прочел в этот вечер П. Антокольский (в собственном переводе).

Поэт Я. Кейхауз прочел отрывок из поэмы «Семь портретов красавиц», переведенной им вместе с поэтами К. Симоновым и Б. Лебедевым. Отрывок из этой же поэмы прочел в своем переводе поэт Р. Ивнев. И. Оратовский, один из первоначальных писем бакинских интеллигентов к товарищу Сталину, прочел отрывок из поэмы, касающийся Низами.

Молодые поэты Г. Аргуня (Армения) и А. Шанидзе (Грузия) читали на родных языках свои стихи, посвященные великому поэту.

Е. ПЕЛЬСОН.

НА ВЕЧЕРЕ В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

«Сокровищница тайн», «Семь портретов красавиц», «Хорос и Ширин», «Лейли и Меджнун» и «Книга Ахисекара», а также около 20 тысяч строк лирических стихотворений. В глубь веков было затеряно почти все лирическое наследие, говорят, что оно было расхищено посредственными поэтами-современниками Низами, которые вылавливали его гениальные стихи за свои собственные. Сохранилась и немало была оубицирована лишь их небольшая часть — 2000 строк.

Низами был истинным сыном своего народа, он горячо любил свою родину и мир его поэтических образов всегда крепко и органически был связан с Азербайджаном. О чем бы он ни писал — о красавицах из семи башен или о царях Ирана, об Александре Македонском или о трудолюбивом каменотесе Фархале, неизменно из его творчества вставал нарисанный неуязвимый красками образ средневекового Азербайджана. Низами был великим гуманистом — любовью к народу, ненавистью к властелинам мира, к царственным палачам пронизаны его гениальные творения. Он бежал из двора Ширваншаха в свое скромное жилище, к существованию, полному лишениям. Он глубоко страдал от того, что вынужден был писать на архаичном персидском, официально в то время языке фарси, а не на народном тюркском языке.

КРАБЫ ПРЕВОСХОДНАЯ ЗАКУСКА

из крабовых консервов можно приготовить много разнообразных блюд

ТРЕБУЙТЕ

В МАГАЗИНАХ ГЛАВРЫБСБЫТА, ГАСТРОНОМ, БАКАЛЕЯ В РЕСТОРАНАХ И БУФЕТАХ.

Госкомрабпром СССР Главрыбсыт